

А.О. Амелкин

**Отражение взаимоотношений
Руси со Степью
в памятниках русского фольклора.**

Введение

Данная книга родилась в ходе исследования общественного сознания России в XI-XVI вв. Автору хотелось бы предложить некоторые наблюдения над историей развития взглядов русского народа на своих беспокойных соседей-кочевников, сделанные на материале фольклора. Использование этого, не совсем обычного для рассмотрения таких вопросов, источника, как кажется, представляло самостоятельный интерес.

С самого первого момента зарождения научного интереса к русскому фольклору в XVIII в. исследователи и собиратели песен подходили к нему как к памятнику старины. Когда же в 60-е гг. XIX в. перешли к анализу текстов, то сложилось несколько подходов к ним. Но все школы изучения исторических песен и былин исходили из того, что в их основе лежит переосмысленное историческое событие. Исследователи по-разному оценивали само это событие: то как единичный факт (историческая школа В.Ф. Миллер, А.Ф. Гильфердинг, Б.А. Рыбаков, М.М. Плисецкий, Л.И. Емельянов); то как некую целую историческая эпоха и свойственную ей систему древних мифологических представлений (мифологическая школа - Ф.И. Буслаев, О.Ф. Миллер А.А. Котляревский, В.Я. Пропп, Ю.И. Юдин); 3) то как факт литературной жизни - заимствование, художественный факт (школа заимствований В.В. Стасов, А.Н. Веселовский, М.Г. Халанский, В.П. Аникин, Б.Н. Путилов). Споры об этом не утихли и по сей день, что показали дискуссии 1959-1965 и 1980-1985 гг.

В действительности различия между этими школами не так уж велики, как кажется. В вопросе о времени сложения памятников фольклора все исследователи считали, что произведения современны событию и лишь позднее переосмысляется сказителями. Это представление исходит из уверенности, что фольклор древнее письменной литературы, и, следовательно, не мог черпать из нее свои сюжеты. Исследователи исходили из того, что иное, более простое восприятие, они оценивали как более древнее. Такое отношение к этим памятникам устного народного творчества неудивительно, поскольку петровские преобразования провели рубеж как в истории русской культуры, так и между культурой знати и простонародья. Все, что не походило на культуру образованного сословия, воспринималось как глубокая древность. Между тем, как народная культура жила и развивалась параллельно с культурой аристократии.

Все школы фольклористики не отрицают того, что в основе фольклора лежит переосмысленное историческое событие. Но сопоставления исторических событий и фольклорных сюжетов в рамках мифологической школы ведутся при априорном определении основной идеи былины (определение которой невозможно до исследования ее содержания) с эпохой описанной в произведении и таким путем определяют время создания былины. В рамках же исторической школы происходит перенос научного аппарата и современного уровня знаний на исторические представления слушателей и исполнителей фольклорных памятников.

Однако далеко не всегда автор фольклорного произведения был современником описываемых событий. У каждого народа

есть потребность для осмысления своего настоящего обращаться к образам своего прошлого. И далеко не всегда значимые в будущем события получают достойную оценку современников. Поэтому часто сказители обращаются к событиям, определявшим ту или иную эпоху, через литературные источники – летописи и повести. И в них они ищут прежде всего то, что представляется важным именно сейчас.

Поэтому, начиная работу с памятниками фольклора надо постараться уточнить их датировку, а, по возможности, найти наиболее ранние их записи. Ведь именно от учета времени создания былин и исторических песен зависит правильное их понимание.

Обратившись к изучению образа кочевников в русском фольклоре, постараемся рассмотреть его в нескольких аспектах. Во первых, попытаемся понять, какими казались русскому сказителю домонгольского времени обитатели степи. Для этого надо попытаться найти отголоски устных преданий в памятниках русской книжности XI-XII вв. Поиск таких преданий следует предпринять в тексте “Повести временных лет”, и на основе обнаруженных сказаний попробовать понять, какими видели своих соседей современники Владимира Святославича и Владимира Мономаха, ставших прообразами былинного Владимира, Красно Солнышка.

Сами были, обычно датируемые той же предмонгольской эпохой, мы попробуем рассмотреть на примере сказания о Сухмане, павшем в битве с татарами. Несхожесть ранних записей былин (XVII-начала XVIII в.) с их позднейшими вариантами, позднее появление некоторых из них, прекрасно

показанное Д.С. Лихачевым на примере образа Алеши Поповича, заставляют нас попытаться установить время сложения и этой былины.

Наконец, имеет смысл попытаться рассмотреть и время появления серии исторических песен, также отразивших набеги татар.

Автор надеется, что его наблюдения позволят лучше понять историю развития русского фольклора и эволюцию взглядов русского общества на себя и свою историю.

“Сказание о хазарской дани”

(Опыт истолкования древнейшей политической легенды
восточных славян)

Сказание о хазарской дани. взимаемой с полян, один из ранних сюжетов истории Древней Руси, По сути дела, это второе событие из жизни племени, вокруг которого в дальнейшем сложилось Киевское государство.

Приведем здесь это сказание из “Повести временных лет” полностью. *“По сихъ же летехъ, по смерти братье сея (Кия и его братьев - А,А.) быта обидимы древлями и инеми околними. И наидо-ша я (их - А,А.) козаре сядящая на горах сихъ в лесехъ. и рета козари: “Платите намъ дань”, Съдумавше же поляне и влаша от дыма мечь, и несоша козари ко князю своему и к старейшиныымъ своимъ. и реша имъ: “Се налезохомъ дань нову”. Они же рета имъ: “Откуда?” Они же реша; “В лесе на горахъ над рекою Днепръскою”. Они же реша: “Что суть въдали?” Они же показаша мечь, И реша старици козарьстии: “Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на насъ и на инехъ странах”. Се же сбьсться все: не от своя вода рекоша, но от Божья повеленья”*¹.

Исследователи по разному понимали смысл описываемых здесь событий. В этом сказании видели отражение первого сбора дани хазарами, особой дипломатической церемонии и, даже, последнего сбора дани. Так. С.А. Плетнева считает, что в этих строках “Повести

временных лет” рассказано о последнем “полюдье” хазар в полянской земле. Они получили в ответ на требование дани мечи, что, несомненно, означало вызов (не мир, но меч). После этого хазары отступились от сильного и далекого народа ². Некоторые ученые, напротив, видят здесь рассказ о первом сборе дани и связанным с ним массовым разоружением полян. Н.М. Карамзин отнес описываемые события ко временам, когда неприятель “силу оружия своего в исходе VII, или уже VIII, обратил к берегам Днепра и самой Оки” и “рассеянные племена славянские не могли противиться” хазарам ³. Особое мнение высказал А.Н. Сахаров. Он увидел в этом акте обычное ритуальное действие, сопровождавшее переговоры. Причем, сопоставляя передачу мечей с традиционным обменом оружия во время братания, ученый делает довольно неожиданный вывод. А.Н. Сахаров считает, что действия полян означали отказ от мирных переговоров, готовность к войне ⁴.

Легендарность событий, описываемых в “Сказании о хазарской дани” очевидна. Еще А. Шлецер выразил по этому поводу недоумение: “Зачем давать им добровольно дань мечами? Откуда взяли киевляне такое множество мечей? Нельзя думать, чтобы у них были оружейные мастера” ⁵. Л.Н. Гумилев посвятил целую работу доказательству недостоверности сведений о выплате хазарской дани мечами ⁶. Это “Сказание” не разбирается в работах С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Б.А. Рыбакова, поскольку они не считали его достоверным.

Действительно, в повествовании о хазарской дани много легендарного. Едва ли поляне выплачивали дань оружием. Во

всяком случае в IX-X вв. восточнославянские племена платили “*по беле и веверице от дыма*”, “*по черне куне*”, “*по шьягу*”. “*по шьягу от рала*”⁷. Это более реальный размер дани, по сравнению с которым дань хазарам представляется огромной. Ведь стоимость меча, судя по западноевропейским источникам, была значительно большей⁸. Невероятно чтобы сама форма выплаты дани - мечами - напугала завоевателей. Кроме того, вызывает сомнение такое большое количество этого оружия. Меч всегда был аристократическим оружием и едва ли мог находиться в каждом доме. Кроме того в VIII-XV вв., он был редкостью у славян, о чем свидетельствуют археологические материалы и сообщения византийских авторов⁹.

Каков же смысл “Сказания о хазарской дани”? Ясно, что это политическая легенда, призванная обосновать независимость Русского государства, его право на господство в Восточной Европе. Не случайно автор “Повести временных лет” видит аналогию этой истории в сказании о Моисее в Египте, А.А. Шайкин, разбирая рассказ о хазарской дани, обратил внимание на фразу: “*сѣдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь*”. На ее основании исследователь сделал вывод о значимости для летописца именно добровольного характера дани: у полян был выбор и, после совещания, они сами, а не по принуждению хазар, дали мечи. Загадка, скрытая в дани, отражает мудрость и мужество полян. Сильный народ, уверенный в том, что успех противника временный, не прямо говорит об этом, но заставляет врага своими устами признать этот факт¹⁰.

Смысл сказания, вроде бы ясен. Но что же тогда так

напугало хазарских старейшин, в чем они увидели предсказание будущего? Ясно, что причина их страха в характере дани, точнее в типе оружия (меч—сабля) которым она была выплачена и завоевана. Вроде бы все ясно: противопоставлены однолезвийное и двулезвийное оружие. Можно предположить, что в “Сказании” обыгрывается количество лезвий: два лезвия у меча больше, чем одно у сабли. Но при нанесении удара всегда используется только одно лезвие. Более того, в бою сабля эффективнее меча ¹¹. Ее псевдорежущий удар лучше подходит к условиям конной схватки, и едва ли летописец не знал этого.

Для понимания смысла хазарской дани надо исходить не только из простого подсчета лезвий. Особое отношение к мечу в эпоху средневековья хорошо известно. О многослойном символическом значении этого оружия на Руси писал Д.С. Лихачев ¹². Хотя древнерусская знаковая система и не объясняет страха хазарских старейшин при виде меча, подсказывает направление поиска. Необходимо найти такое определение меча, как социального атрибута, которое раскрывало бы смысл “Сказания о хазарской дани”. И такой материал можно получить из наблюдений над кочевническими древностями I тыс. н. э. В VI-X вв. для степной зоны Евразии характерно присутствие в погребениях высшей знати не однолезвийного оружия, а более архаических обоюдоострых мечей ¹³, т.е. меч у кочевников выступал как оружие самостоятельного владыки, а не рядового дружинника. Поляне, отдавая свое оружие хазарам, демонстрировали тем самым свое царственное происхождение и, следовательно, право на власть над хазарами.

Автор “Сказания” раскрыл свою мысль, используя хазарскую символику. Но из признания этого факта возникает вопрос, когда и кем была создана легенда об этом событии в жизни полян? Было ли это “Сказание” хазарским по происхождению? Знали ли на Руси хазарскую символику оружия? Возможно ли предположить, что в начале XII в., во время аписания “Повести временных лет”, помнили ее? Возможно ли, что на страницах русской летописи появилась восходящая к хазарским временам легенда, содержащая в себе идеологическую доктрину?

Еще Н.М. Карамзин утверждал, что это – “басня, изобретенная уже в счастливые времена оружия российского, в X или XI веке”¹⁴. Действительно освобождение началось еще в середине IX в., когда Аскольд и Дир приняли власть в Киеве (о первоначальном подчинении Киева хазарам см. далее); при Олеге отдельные восточнославянские племена стали выходить из состава Хазарского каганата, а в 965 г. произошло уже подчинение самих хазар Святославу. В 988 князь Владимир передал своему сыну Мстиславу Тьмуторокань, принадлежавшую прежде хазарам. Ростислав Владимирович в 1064-1067 гг. провозгласил себя архонтом всей Матрахии, Зихии и Хазарии. Последнее упоминание о хазарах в русских летописях связано с расправой над ними, учиненной этим князем в том же 1083 г.¹⁵. Сказание, говорящее о предстоящем подчинении хазар, должно было быть созданным тогда, когда победа над ними была уже свершившимся фактом, следовательно, в конце X- начале XII вв.

Сказание возникло в период становления

древнерусского государства, поскольку в нем отражены начальные этапы развития княжеской власти. Описание системы управления у хазар является отражением организации власти князей на Руси. Об этом свидетельствует и слово “князь”, обращённое к хазарскому правителю, и хорошо прочувствованные русским сказителем отношения между князем и старейшинами, что может быть результатом перенесения окружающих реалий на Хазарию. Эти порядки соответствуют начальным этапам становления государства: сохраняется совещание старейшин, князь отчитывается перед ними, они выносят решение.

Важным основанием для датировки этого сказания является и сам характер упомянутого в нем оружия. Сказание создано, когда меч воспринимался как свое оружие, а сабля как чужое. Судя по сообщениям арабских и византийских авторов, древние славяне вплоть до IX в. были вооружены копьями, дротиками и луками. Первые каролингские мечи на Руси появляются со 2-й пол. IX в. (тип В), с конца IX - начала XI в. (тип Н). Они связаны с погребальными памятниками Юго-Восточного Приладожья, Смоленска, Ярославля, Киева, Чернигова¹⁶. Скорее всего, широкое распространение мечей среди жителей Восточной Европы вызвано приходом варягов. Следует отметить, что степень военизации в X в. была в 2-3 раза выше, чем в XI ст.¹⁷. Это соответствует ситуации, отраженной в “Сказании”, когда можно было взять по мечу от дыма. Сабля же заимствована, вместе с названием, из хазаро-мадьярского арсенала и начала применяться только с последней трети X в. Следовательно на рубеже X-XI вв. еще жива была память о сабле, как о чужом оружии, что

приблизительно указывает нам на время составления сказания¹⁸. Таким образом, время появления мечей и сабель у восточных славян и их соседей и степень военизации общества указывают на X столетие, как на время составления сказания.

Помимо “Сказания о хазарской дани”, хазарские истоки еще имеет легенда об основании Киева, которая оказывается тесно связанной с исследуемым сказанием. Это не славянская легенда, поскольку в армянской “Истории Тарона”, приписываемой епископу Зенобу Глаку, есть похожее сказание¹⁹. Его книга - сборник народных сказаний, слабо связанных с подлинной армянской историей, составленный в VII-VIII вв. В русском и армянском сказаниях есть много совпадений: три брата, имена которых созвучны в обоих вариантах сказания, строят три города, называют их своими именами, возводят город на горе, вокруг которого *“бяху ловища зверие”*, *“был там простор для охоты”*. Заканчиваются оба сказания упоминанием языческих верований братьев и их потомков. Есть в сказаниях и созвучные топонимы. В “Повести временных лет” место действия определено среди племени полян, а в “Истории Тарона” один из городков строится в области Палуни. Следовательно перед нами отголоски одного и того же сказания, сложившегося не позднее VIII в.

Поскольку эта легенда встречается у разных народов, то необходимо выяснить: чья она и откуда попала к русским и армянам? Показательно, что названные народы не контактировали между собой. Лишь отдельные отряды русов могли соприкасаться с отрядами армян в составе

византийской армии или во время своих набегов на Каспий. Едва ли это могло привести к заимствованию сказания. Более вероятным кажется происхождение легенды от какого-то третьего народа.

Следует обратить внимание на не местное происхождение героев. В “Истории Тарона” они - потомки индов, а в “Повести временных лет” есть два намека на “неполянское” происхождение братьев. Первый из них мы встречаем во фразе с которой открывается сказание: *“Подем же живемь особе и володеющемь роды своими, иже и до сее братье бяху поляне”*. Второй - в статье 862 г., где на вопрос Аскольда и Дира: *“Чий се градокъ?”*, киевляне отвечают: *“Была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сделаша градоко съ, и изгибоша, и мы седимъ, платяче дань родомъ ихъ хозаромъ”*²⁰. То есть в сказании об основании Киева перед нами отголосок хазарской легенды.

Лишь на первый взгляд кажется странным использование хазарского фольклора для написания древнейших, а, следовательно, наиболее идеологически нагруженных страниц Русской истории. На самом деле ничего удивительного в этом нет. В первые века своего существования в лесостепной зоне Восточной Европы славяне вынуждены были платить дань кочевым народам, обитавшим в Северном Причерноморье. От даннических отношений они и перешли к политической самостоятельности, используя опыт управления, накопленный в годы существования органов власти, осуществлявших на их территории сбор дани. Основная идея легенд о хазарской дани и об основании Киева заключалась в утверждении законности нового государства,

преемственности его власти с предшествующим Хазарским каганатом ²¹.

Характерно, что и титулатура правителей и должностных лиц в Киевской Руси порой тоже была не славянской по происхождению. Так, арабские авторы, митрополит Илларион, человек, оставивший граффито Софийского собора в Киеве, создатель “Слова о полку Игореве” и составитель “Бертинских анналов” называют русских князей, и прежде всего Киевского князя, каганом ²². Хорошо известный титул тиуна (правителя) явно восходит к хазарскому титулу тудун.

Исходя из вышесказанного основной идеей древнейших политических легенд Древней Руси было представление о преемственности Киевского государства с предшествующим главенствовавшим в Восточной Европе каганатом, о первоначальном унижении полян, при наличии у них большой силы, о Божественном предопределении их славы и величия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1996. С. 11-12.

² Плетнева С.А. Хазары. - М.: Наука, 1976. - С. 56.; А.П. Новосельцев, напротив, считал, что в этом рассказе “Повести временных лет” отражен первый сбор дани, связанный с разоружением вновь покоренных полян (Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. - М., 1990.).

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. - СПб.

, 1897. - Т. 1. - С. 31.

⁴ Сахаров А.Н. “Мы от рода русского...” Рождение русской дипломатии. - Л.: Лениздат, 1986. - С. 36-38.

⁵ Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером. - СПб., 1809. - Т. 1. - С. 243.

⁶ Гумилев Л.Н. Сказание о хазарской дани (опыт критического комментария летописного сюжета) // Русская литература. - 1978. - № 3; Шайкин А. “Се повести времяных лет...” От Кия до Мономаха. - М.: Современник, 1989. - С. 22-30

⁷ Повесть временных лет. - СПб.: Наука, 1996. С. 12, 14, 31.

⁸ В эпоху Карла Лысого тяжелое вооружение могли преобрести только воины, владевшие 12 мансами (120-160 га. земли). И при Меровингах, и при Каролингах меч стоил 3 солида, а вместе с ножнами 7 солидов. Для сравнения: корова стоила 1-3 солида, а четверть ржи 3/4 солида (4 денария) (Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. - М., 1987. - С. 298-299, 348.). Таким образом, дань, собранная мечами, в 18 или, если речь идет о мечах в ножнах, даже в 42 раза превышает свой обычный размер.

⁹ Византийские и арабские источники вплоть до IX в., говоря о вооружении славянских воинов, упоминают дротики, небольшие луки и большие щиты. См. Горелик М. Воины Киевской Руси IX-XI вв. // Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал. - 1993 - № 1(2). - С. 20.; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. - Киев,

1990. - С. 302.

¹⁰ Шайкин А. "Се повести времяньных лет..." От Кия до Мономаха. - М.: Современник, 1989. - С. 21-25.

¹¹ Соловьев А.И. О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкции в археологии. - Новосибирск, 1985. - С. 147-154.

¹² Ястребицкая А.Л. Западная Европа в XI-XII веках. М., 1978. - С. 127.; Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - Л., 1978. - С. 164.

¹³ Семенов А.И. К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Учтепе // Древние культуры Кавказа и Причерноморских степей. КСИА. Вып. 192. - М., 1987. - С. 60.

¹⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. - СПб., 1897. - Т. I. - С. 31.

¹⁵ Повесть временных лет. - М.; Л., 1950. - Т. 1. - С. 20, 47, 83, 135.; Янин В.Л. Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. - Киев, 1965. - Вып. 2. - С. 82; Гадло А.В. К истории Тмутороканского княжества во второй половине XI в. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы (Славяно-русские древности; Вып. 1). Л., 1988. С. 194-213

¹⁶ Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. - М., 1985. - С. 300.

¹⁷ Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. - М., 1985. - С. 299.

¹⁸ Кирпичников А.И. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX-XIII вв. - САИ, Е1-36. - М., 1966.; Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. - М.,

1985. - С. 299-300.; Горелик М. Воины Киевской Руси IX-XI вв. // Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал. - 1993 - № 1(2). - С. 21.

¹⁹ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. - М., 1963. - С. 26-28.

²⁰ Былинин В.К. К вопросу о генезисе и историческом контексте летописного "Сказания об основании Киева"/Герменевтика древнерусской литературы X-XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 14- 43.; так в Лаврентьевской летописи, в Ипатьевской летописи - иначе: *"а мы седимъ роды ихъ и платим дань козаромъ"* (Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 13, 131.) От Кия, согласно Новгородской первой летописи, происходит название не полян, а именно киян. Таким образом потомки первых жителей Киева своеобразно противопоставлены полянам (Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 390.).

²¹ Само название Киева восходит к имени Ахмада бен Куя (Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 590.).

²² Шаскольский И.П. Известие Вертинских анналов в свете данных современной науки//Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 42-54.

Образ печенегов в древнерусских фольклорных сказаниях “Повести временных лет”

Фольклор как способ освоения мира давно стал объектом изучения крупных исследователей-фольклористов. Именно так подходили к памятникам устного народного творчества такие ученые как А.Н. Афанасьев, О.Ф. Миллер, Ф.И. Буслаев и др. Однако, сохраняя любой текст в устной форме, народная память легко изменяет его, постоянно актуализируя древнее сказание. “Историческая память сохранялась и поддерживалась лишь в той ее части, которая была актуальна для общества и имела ценность в настоящем”¹. Эпическое сказание не отражает, а моделирует прошлое. Сказители испытывают влияние эстетических и нравственных норм своего времени. Поэтому получить представления о характере и жанровой принадлежности ранних фольклорных памятников, присутствующих в них образах и т.д. можно только в ходе анализа текстов, сохранных древнейшими записями произведений устного народного творчества. Данная статья представляет собой попытку реконструировать образ печенегов в древнерусском фольклоре XI-XII вв. на основе тех фольклорных памятников, которые отразились в “Повести временных лет”.

В современной фольклористике, как общепринятое, существует деление былин на четыре исторических периода, первый из которых берет свое начало еще задолго до IX в.² Однако эта теория, основанная, прежде всего, на априорных взглядах исследователей, наталкивается на достаточно

серьезное возражение – наиболее ранние записи былин (XVII-XVIII вв.) значительно отличаются от записей, сделанных в П.Н. Рыбниковым, А.Ф. Гильфердингом и др. исследователями XIX-XX вв.³ Отголоски русских былин, встречающиеся в сказаниях европейских авторов XIII-XVI вв., также значительно отличаются от того, что нам известно в поздних записях⁴. Известны и примеры импровизаций сказителей, под впечатлением увиденного вносящих изменения в текст былины⁵. Поэтому древнейшие сказания при устной передаче не сохраняются, и найти следы этих сказаний можно только в литературных памятниках той эпохи, которая и интересует исследователя. Попытка поиска памятников фольклора в летописных текстах XV-XVI вв. дала интересный результат в статье Д.С. Лихачева⁶, что позволяет надеяться на возможность отыскания фольклорных произведений и в летописях, относящихся к более раннему периоду.

Летопись вполне может выступить как хранитель ранних памятников фольклора поскольку древнерусский книжник не делал различий между источниками своей информации. Поэтому в “Повести временных лет” представлены как данные, вычитанные из письменного текста, так и сведения полученные из устных сказаний. Причем сам спектр жанров, к которым принадлежат памятники фольклора, представленные в древнерусских летописях, отличается необычайным многообразием: песни скальда, поговорки, топонимические легенды, былички или просто рассказы о случившемся.

Какими же предстают печенег в русских летописях и в памятниках фольклора? Автор “Повести временных лет” 15

раз в различных ситуациях вспоминает об этом народе, причем четыре раза эти упоминания носят явно фольклорный характер.

Характерно, что интонации летописных сообщений о печенегах достаточно ровные. Их упоминают в этнографическом обзоре среди кочевых народов (“после сих же приидоша печенези”) ⁷ и под 1096 г. среди народов, вышедших “от пустыня Етривьская” или от рода Измаила, причем летописец подчеркивает, что их появление современники связывают с концом света ⁸. В основном же в летописи идет перечень событий русско-половецких отношений. Так в 915 г. “придоша печенези первое на Руску землю, и сотворивше мирь со Игорем, и пиидоша к Дунаю”, где приняли участие в войне болгар и византийцев ⁹, в 920 г. князь “Игорь воеваше на печенѣги” ¹⁰, в 944 г. они совместно с другими племенами и народами уже участвовали в войне князя Игоря против Византии ¹¹, далее идет описание печенежского набега на Киев в 968 г. и засады, устроенной зимой 971-972 г. печенежским князем Курей против Святослава Игоревича ¹². Однако последующие события показывают, что у печенегов сложились достаточно добрые отношения с князем Ярополком и его сыном Святополком Окаянным. Так, само убийство Святослава у Днепровских порогов объективно было выгодно Ярополку, который в случае удачного возвращения своего отца, должен был бы уступить ему Киевский стол. Похоже, что брат Ярополка Олег Святославич обвинял в гибели своего отца как Ярополка, так и Свинельда, отправленного Святославом за помощью в Киев, но так и не приведшего киевскую дружину к порогам. Этим,

возможно, и объясняется убийство сына Свинельда Олегом и последующая война между братьями¹³. В 980 г. Варяжко предлагал Ярополку бежать в печенеги и привести оттуда воинов для борьбы с Владимиром¹⁴, а в 1018-1019 г. к ним бежал и вернулся с войском против Ярослава Владимировича сын Ярополка – Святополк¹⁵. В то же время князь Владимир и его потомки находились с печенегами во враждебных отношениях. Так в 992 г. печенеги появились на Трубеже, где потерпели поражение, нанесенное им киевским князем¹⁶, в 996 г. уже русские войска были разбиты у Василева, а сам князь Владимир едва спасся¹⁷, в 997 г. печенеги осаждали Белгород и чуть не взяли его¹⁸, в 1015 г. Борис Владимирович возглавляет войско, идущее в поход против печенегов¹⁹, а в 1036 г. печенеги были разбиты под Киевом и с тех пор оказались вынужденными скитаться по степям²⁰. Последний раз в “Повести временных лет” печенеги упомянуты под 1097 г., когда князь Василько, делясь своими планами, рассказывал, что узнав о идущих к нему печенегах, планировал грандиозные военные компании против Польши, на Дунае и в Половецкой степи²¹.

И хотя Никоновская и другие позднейшие летописи приводят дополнительные известия о печенегах, относимые к XI-XIII вв., сведения, помещенные в “Повести временных лет”, являются исчерпывающим сводом знаний русских современников об этом народе. Новая же информации взята летописцами XV-XVI вв. не из письменных источников, а из былин. Эти сведения отражают лишь представления о печенегах, существовавшие в эпоху формирования Московского царства²².

Упоминания же печенегов в описании событий, выходящих за хронологические рамки “Повести временных лет” и охватывающих 1121-1169 гг., носят отрывочный характер и свидетельствуют о постепенном исчезновении народа и угасании интереса к нему²³.

Из перечисленных известий “Повести временных лет” к фольклорным по происхождению можно отнести сказания о подвиге киевлянина, сумевшего подать весть своим войскам во время осады Киева печенегами в 968 г., сведение об изготовлении печенежским князем Курей чаши из черепа Святослава, и две былины – о подвиге кожемяки и о белгородском киселе.

Первый случай появления печенегов в фольклоре относится к описанию осады ими Киева в 968 г. Согласно “Повести временных лет” *“В лѣто 6476. Придоша печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславцы, и затворися Волга въ градѣ со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ”*. Когда в городе начался голод, один из киевлян, умевший говорить по печенежски, выдавая себя за печенега и делая вид, что разыскивает своего коня, добрался до Днепра и передал призыв о помощи воеводе Претичу. Воевода, выдав себя за командующего передовым отрядом в войске Святослава, якобы добился снятия осады с Киева²⁴. О том, что перед нами не воспроизведение какого-либо письменного источника, а пересказ устного предания, свидетельствуют 1) вставной характер сказания (рассказ о снятии осады заканчивается описанием продолжающейся осады²⁵); 2) условность обмана печенегов киевлянином (незаметно выйти из окруженного

города и выдать себя за одного из осаждающих почти не возможно); 3) отсутствие значимых последствий в результате внешне запоминающегося обмена дарами между печенежским князем и Претичем; 4) использование обмана как испытание мудрости и хитрости противников. Однако перед нами не одно сказание, а два механически соединенных предания – о киевлянине, подавшем весть из осажденного города и об обмене дарами между полководцами враждующих сторон. Об этом свидетельствует слабая сюжетная связь между действиями обоих героев, и смена по ходу действия одного из них другим как главного лица в разворачивающемся событии. Очевидно второе сказание воспроизведено в “Повести временных лет” не полностью, поскольку его смысл должен был раскрыться в истолковании даров (ср. обмен дарами между скифами и персами у Геродота ²⁶), хотя перед нами возможна и просто зарисовка, отражающая культуры противостоящих народов.

Под 971-972 гг. в “Повести временных лет” рассказывается, что печенеги устроили у Днепровских порогов засаду на возвращавшегося из Болгарии Святослава, и печенежский князь Куря, убив русского князя, *“во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его”* ²⁷. Здесь в достаточно лаконичный рассказ введена лишь одна яркая поэтическая деталь – чаша из черепа побежденного врага. Однако в других источниках не отразился этот запоминающийся печенежский обычай. В то же время, подобный обычай сохранился в рассказе Геродота о скифах, а археологическое подтверждение его существования было найдено на Бельском городище ²⁸. Знания же об этом обычае древнерусский

летописец почерпнул не из текста “Истории” Геродота, а, скорее всего, из пересказа ее отдельных фрагментов и перенес реалии, поразившие его воображение, на печенегов.

Следующее сказание уже передано в “Повести временных лет” более целостно: *“В лѣто 6500. Пришедию бо ему (Владимиру) с войны хорватъскыя, и ея печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Сулы. Володимеръ же поиде противу имъ, и срете я на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль”*. Печенежский князь предложил Владимиру: *“Выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужь ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта; аще ли наш мужь ударить, да воюемъ за три лѣта”*. Не имея достойного поединщика *“поча тужити Володимеръ”*, но *“приде единъ старъ мужь ко князю”*, и предложил в качестве противника печенежскому богатырю своего сына, который остался дома, но был так силен, что мог *“преторже череву рукама”*. По предложению юного силача его подвергают испытанию – он вырывает кусок из тела разъяренного быка. Перед поединком печенег, *“бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ”*, посмеялся над русским - *“бѣ бо середний тѣлом”*, но в поединке он был задушен руками. После чего печенеги обратились в бегство, а на месте поединка основан город Переяславль ²⁹.

Все в этом рассказе “Повести временных лет” свидетельствует о фольклорном происхождении сказания. Призванное объяснить название города (*“зане перея славу”*), упомянутого однако за 85 лет до описываемых событий ³⁰, оно выступает как топонимическая легенда. Но в нем отчетливо видны черты самостоятельного эпического сказания: появление вражеского предводителя со большим войском и

вызов на поединок; отсутствие с нашей стороны достойного соперника и внезапное его появление, удивительное испытание силы героя, победа над врагом, достигнутая голыми руками, разгром и бегство вражеского войска в результате гибели печенежского великана. Причем, как и в былине, герой выходит из иной, не дружинной, социальной среды (кожемяка), он меньше своего соперника и, в отличие от своих братьев, первоначально не принимает участия в походе (что сближает это сказание с историей Давида и Голиафа), а его победа над противником (*“И ястася, и почаша крһпко держати, и удави печенһзина в руку до смерти. И удари имь о землю”*) напоминает победу Геракла над Антеем³¹. То, что сказание бытовало как самостоятельное устное произведение можно видеть из эволюции имени героя в летописях, относящихся к различным эпохам. Так в Радзивилловской и Московско-Академической летописях, отразивших Владимирский свод 1206 г.³², фраза о наименовании города *“зане перея славу отроко ть”* преобрела вид *“зане Переяславъ отроку тому имя”*³³, а Никоновская летопись и Степенная книга XVI в. уже называют героя *“Ян Усмошвец”*³⁴, отражая в прозвище его ремесло кожевника. Никоновская летопись под 1001, 1004 гг. приводит дополнительные, явно фольклорные, известия о Яне Усмошвце, помогавшем Алеше Поповичу в борьбе с печенегами³⁵. Сказания об этом богатыре сохранялись в русском фольклоре и в XIX в.³⁶

Устное происхождение имеет и сказание о белгородском киселе, помещенная в летописи под 997 г. *“Увһдһша печенһзи, яко князя нһту, и придоша и сташа около Бһлгорода. И не*

дадяху вылѣсти из города, и бысть гладъ великъ в городѣ, и не бѣ лѣзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, печенѣгъ же множьство много". Горожане на вече решили сдаться печенегом, но один старец, не присутствовавший на вече, воспротивился этому. По его совету старейшины градские собрали *"по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубѣ"*, *"и повелѣ женамъ створити цѣжъ, в немъ же варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и вставить тамо кадъ, и нальяти цѣжа кадъ. И повелѣ другыи колодязь ископати, и вставить тамо кадъ, и повелѣ искати меду"*. Утром же в город были приглашены печенеги, которым показали и дали отведать *"кормлю от землѣ"*. Взявши цежу для варки киселя и медовую сыту печенежские послы отправились к своим князьям, которые, поверив в невозможность уморить голодом белгородцев, сняли осаду³⁷.

Фольклорное происхождение этого сказания также вполне очевидно. В нем развита тема мудрого совета старца, спасающего людей в момент голода. В отличие от развития этого сюжета в сказке, голод в былине о белгородском киселе вызван не природными причинами, а вражеской осадой. Поэтому выход из данного затруднения заключается не в использовании неучтенных остатков зерна, а в обмане противника. Однако переключка между сказкой и былиной хорошо прослеживается в том, что кисель, с помощью которого обманули печенегов, был сварен из последнего *"по горсти"* собранного зерна. Главной темой былины о белгородском киселе стала тема испытание хитрости и ума противоборствующих сторон. Фольклорность этого подтверждает некоторая условность обмана, легкость с

которой печенеги верят в реальность того, что цежу и сыту белгородцы черпают из колодца.

Когда же возникли сказания о борьбе русских людей с печенегами. Эти фольклорные памятники, в зависимости от времени записи, можно разделить на две группы, причем тексты, входящие в различные группы, отличаются не только временем своего бытования, но и временем, в котором разворачивается действие, а также характером, что, возможно, является еще одним доводом в пользу их разновременности.

Сказание о подвиге киевлянина и сведение об изготовлении печенежским князем Курей чаши из черепа Святослава были включены в состав Начального свода 1093 г., нашедшего свое отражение как в “Повести временных лет”, так и в “Новгородской первой летописи”. Запись фольклорных памятников отражает их состояние на момент фиксации, и, следовательно, в конце XI в. существовали только эти предания, обращающие внимание не столько на само событие, сколько на отдельные бытовые подробности, развернутых же повествований (былин о кожемяке и о киселе) еще не было. События в этих преданиях привязаны к более далекому от рассказчика периоду - к правлению князя Святослава Игоревича. При этом самом сюжете нет никаких преувеличений (силы героя или наивности его противников).

Характерно, что древнерусское сказание о чаше, изготовленной печенежским князем Курей из черепа Святослава, получило свое развитие в XV в. В созданной в 1472 г. Ермолинской летописи уже есть такая подробность: князь Куря не просто “*во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавшие лобъ его*”³⁸, но оставил на ней надпись “*чюжихъ ища, своя*

погуби”³⁹. Схожим оказывается текст надписи, воспроизводимый и в своде 1497 г., и в Уваровской и Софийской летописями: *“чюжихъ желая, своя погуби”*⁴⁰, *“чюжихъ паче силы желая, и своя си погуби за премногую его несытость”*⁴¹. Это дополнение отражает именно устное предание, поскольку текст надписи разные летописи передают по разному. К тому же в надписи явно слышится перефразировка упреков киевлян, адресованных Святославу в 968 г.: *“Ты, княже, чюжся земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ”*⁴²

Д.С. Лихачев считал, что эта вставка в рассказ о чаше была сделана еще в XI-XII вв. Основанием для такого заключения ему послужила фраза, продолжающая сообщение о надписи на чаше, в сборнике Российской национальной библиотеки (F. IV. 214, летопись, сходная с Тверской): *“И есть чаша сия и донине хранима въ казнахъ князей печенѣжскихъ, пиаху же из нея князи со княгиню въ чертозѣ егда поймаются, глаголюще сице: каковъ был сий человек, его же лобъ есть, таковъ буди и родившея от насъ. Тако же и прочиихъ вои его лѣбы изоковаша сребромъ и держакху у себе, пиюще з нихъ”*. Это, по мнению исследователя, может служить как подтверждением реальности существования чаши, так и указанием на появление сведений о ней до XII в., поскольку последние упоминания печенегов в русской летописи относятся к 1169 г.⁴³

Однако внимательное рассмотрение этого отрывка из сборника F.IV.214 позволяет усомниться в справедливости вывода Д.С. Лихачева. Его автор явно не представляет, что печенеги были кочевым народом и не имели чертогов. Едва ли

современник мог не знать такую подробность. К тому же слово “казна” представляется достаточно поздним. В летописях рубежа XV-XVI вв. оно впервые употреблено при описании событий 1281 г.⁴⁴ Летописный свод конца XV в. впервые упоминает это слово под 1298 г., а производное от него “казначи” - под 1154 г.⁴⁵ Но слова “казна” нет в Лаврентьевской летописи 1377 г. Упоминание о изготовлении многих чаш из черепов воинов, погибших вместе с князем Святославом, еще более сближает этот отрывок с рассказом Геродота о скифских обычаях: “С головами же врагов (но не всех, а самых лютых) они поступают так. Сначала отпиливают черепа до бровей и вычищают. Бедняк обтягивает череп только снаружи сыромятной воловьей кожей... Богатые же люди сперва обтягивают череп снаружи сыромятной кожей, а затем еще покрывают внутри позолотой и употребляют вместо чаши. Так скифы поступают даже с черепами своих родственников... При посещении уважаемых гостей хозяин выставляет такие черепа и напоминает гостям, что эти родственники были его врагами и что он их одолел”⁴⁶. В рассказе Геродота чаши изготавливаются из черепов далеко не каждого убитого врага, а только самых лютых или находившихся в родстве с победителем, и, следовательно, им т.о. оказывается своеобразная честь, что не совместимо с надписью, якобы сделанной на чаше князя Кури, в которой содержится явный укор Святославу. Поэтому можно предполагать, что и дополнения к рассказу о гибели Святослава в сборнике F.IV.214 появилось позднее. К тому же, как уже сказано, упоминания о надписи на чаше появляются в летописях лишь с XV в. Развитие предания о

чаше князя Кури в русских летописях XV-XVI вв. лишний раз подтверждает его фольклорное начало.

К устным преданиям, вошедшим в “Повесть временных лет” уже в начале XII в., относятся сказание о поединке киевского кожемяки с печенежским богатырем и сказание о белгородском киселе. Эти былины в конце XI в. еще не существовали, поскольку они не попали в Начальный свод 1093-1095 гг. Характерно, что оба эти предания приурочены ко времени княжения святого Владимира.

Какими же предстают печенеги в древних памятниках русского фольклора? Как и последующих русских былинах они оказываются наивны, легко попадаются на уловки. Однако в рассказах “Повести временных лет”, имеющих фольклорное происхождение, нет ярко выраженного неприятия печенегов. Даже такая жутковатая подробность, как изготовление чаши из черепа побежденного князя Святослава, не несет в себе негативного отношения к ним, а выступает просто как яркая запоминающаяся деталь. Не случайно развитие этого предания пошло не по пути обличения жестокости печенегов, а по пути наглядного выражения упрека князю-завоевателю.

Многочисленность печенегов не привлекла внимание создателей преданий, поскольку ни в рассказе об осаде Киева в 968 г., ни в рассказе о чаше князя Кури нет упоминаний о численности печенегов. В то же время в пересказе былин о поединке юного кожемяки с печенегом подчеркивается, что русский богатырь “*бѣ бо середний тѣлом*”, а его противник “*бѣ бо превеликъ зѣло и страшень*”⁴⁷. В пересказе же сказания о белгородском киселе отмечается, что “*не бѣ лѣ*

Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, печенѣгъ же множество много”⁴⁸. Таким образом, можно предположить, что устойчивое в русском фольклоре представление о многочисленности врагов стало появляться лишь с XII в.

Хвастовство противника, пришедшего с войной на Русскую землю, также не было характерно для ранних памятников устного народного творчества, поскольку в предании о подвиге киевлянина печенежский князь с должными опаской и уважением относится к воеводе Претичу, а в былине о кожемяке эта тема лишь намечена, упоминанием того, что печенег посмеялся над соперником.

Показательно, что в “Повести временных лет” практически нет отголосков фольклорных сказаний о половцах, кочевавших во времена составления этой летописи в южнорусских степях. И хотя печенеги еще жили вблизи русских границ, их набеги воспринимались уже как прошлое и могли быть подвергнуты эпическому осмыслению. Именно это обстоятельство позволяло авторам сказаний допускать неточности, обозначив как первое появление печенегов у Киева в 968 г. и перенеся на 85 лет год основания Переяславля. Показательно, что авторы Начального свода использовал предания, относившие описываемые события к 968-972 гг., а автор “Повести временных лет” дополнил Начальный свод былинами, относившими время действия к 992-997 гг. И в том и в другом случае авторы оказались удалены от времени описываемых событий на 120-125 лет, т.е. на четыре поколения. Пока трудно сказать, случайна ли такая устойчивая хронологическая дистанция, но нельзя не обратить

внимание на эту особенность в ранних памятниках русского фольклора.

Достаточно точно определяется и тот социальный слой, в котором бытовали фольклорные произведения, попавшие на страницы русской летописи. Безусловно, эти сказания исполнялись в дружинной среде. Но это не значит, что они не могли проникать и в простонародную среду. Не случайно одним из первых героев русской былины стал кожемяка, что еще раз подтверждает высокий статус ремесленника в Древней Руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

^{1.} Мельникова Е.А. Историческая память в устной традиции // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее фолпощения. XII Чтения памяти члена-корреспондента В.Т. Пашуто, Москва, 18-20 апреля 2000 г. Материалы конференции. М., 2000. С. 3-10; ср. Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.

^{2.} Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М., 2001. С. 305.

^{3.} Былины в записях и пересказах XVII-XVIII вв. М.; Л., 1960.

^{4.} Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869. С. 799-800; Калугин В. Струны рокотаху... Очерки о русском фольклоре. М., 1989. С. 113-114.

^{5.} Калугин В. Струны рокотаху... Очерки о русском фольклоре. М., 1989. С. 113-114. С. 89-92.

^{6.} Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 318-357.

7. Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 10. (далее ПВЛ).
8. ПВЛ. С. 98.
9. ПВЛ. С. 21.
10. ПВЛ. С. 22.
11. ПВЛ. С. 23.
12. ПВЛ. С. 31-32, 35.
13. ПВЛ. С. 35.
14. ПВЛ. С. 37.
15. ПВЛ. С. 63.
16. ПВЛ. С. 54-55.
17. ПВЛ. С. 55.
18. ПВЛ. С. 56-57.
19. ПВЛ. С. 58.
20. ПВЛ. С. 66.
21. ПВЛ. С. 113.
22. Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 318-357
23. ПСРЛ. Т. 2. стб. 286, 311, 427-428, 517, 533.
24. ПВЛ. С. 31-32.
25. Лихачев Д.С. Комментарии // ПВЛ. С. 445.
26. Геродот. История. М., 1999. С. 277-278. Кн. 4, 131-132.
27. ПВЛ. С. 35
28. Геродот. История. М., 1999. С. 255-256. Кн. 4, 65.
29. ПВЛ. С. 54-55.
30. ПВЛ. С. 17.
31. Аполлодор Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 38-39. Кн. II, 5, 11. Грейвс Ричард. Мифы Древней Греции. М., 2001. С. 138-139.
32. Прохоров Г.М. Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 год и этапы владимирского летописания // ТОДРЛ. Т. XLII. С. 53-76.
33. ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 56.

- ^{34.} ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С.
- ^{35.} Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 318-357
- ^{36.} Худяков И. Народные исторические сказки // ЖМНП. 1864. Кн. 3. С. 57-58; Костомаров Н.И. Исторические монографии. 2-е изд. СПб., 1872. Т. 1. С. 138-139.
- ^{37.} ПВЛ. С. 56-57
- ^{38.} ПВЛ. С. 35.
- ^{39.} ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С.
- ^{40.} ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 16, 171
- ^{41.} ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С.
- ^{42.} ПВЛ. С. 32.
- ^{43.} Лихачев Д.С. Комментарии // ПВЛ. С. 447.
- ^{44.} ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 62, 221; Вологодско-Пермская летопись XVI в. относит это событие к 1282 г. (ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 94).
- ^{45.} ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 158, 59.
- ^{46.} Геродот. История. М., 1999. С. 255-256. Кн. 4, 65.
- ^{47.} ПВЛ. С. 54-55.
- ^{48.} ПВЛ. С. 56-57.

О времени сложения “Былины о Сухмане”

Вопрос о времени сложения былин имеет огромное значение для их понимания. Зная эпоху, в которую была создана та или иная былина, исследователю легче искать исторические события, легшие в основу ее сюжета, определять ассоциации, которые рождали ее образы, понимать социальные звучание былины и ее мировоззренческие основы. Однако методика датировки былин еще не вполне разработана. Это порождает серьезные противоречия в вопросах о времени создания того или иного памятника русского народного эпоса. Среди многих критериев, используемых для датировки былин, очень важным, как кажется, является история сложения текстов эпических памятников, прослеживаемая по их отголоскам в письменных источниках. Использование этого метода хорошо можно увидеть на примере “Былины о Сухмане”.

“Былина о Сухмане” относится к числу распространенных былин. Она дошла до нас в двух редакциях - северной и алтайской¹, отличающихся построением сюжета. В первой редакции “Былина о Сухмане” дополнена мотивом недоверия князя Владимира к подвигу богатыря, обиды и самоубийства героя. Она принадлежит киевскому циклу, но стоит изолированно от других былин – нет других былин, где бы действовал Сухман, кроме “Гистории о киевском богатыре Михаиле сине Даниловиче двенадцати лет”. Сюжет распространенной и самой полной редакции былины таков? На пиру у князя Сухман обещает поймать руками лебедушку, но во время охоты внезапно узнает о появлении татар,

неподготовленным вступает в бой и побеждает врага, но его победа встречена с недоверием и обиженный герой, после того как его правота доказана, умирает. Главной особенностью являются необходимость принятия героем решения вступить или не вступить в бой неподготовленным и отсутствие благодарности ему.

Былины о Сухмане давно привлекала внимание исследователей, которые высказывали различные мнения о времени ее создания. Однако чаще всего они пытались определить происхождение того или иного мотива или детали, а на этом основании и время сложения былины. При этом каждый сюжетный ход эпического сказания рассматривался ими изолированно от других ходов.

Так, П.А. Бессонов считал былину очень древней, несущей “явные следы происхождения мифического, доисторического”. Свой вывод он сделал на том основании, что, безо всякого на то основания, видел в имени Сухмана корень, от которого в санскрите произошли названия солнца и разных стихий ². Видный представитель мифологической школы А.Н. Афанасьев также полагал, что былина восходит к глубокой древности, а ее образы связаны с языческими представлениями славян ³.

О.Ф. Миллер и С.К. Шамбинаго, напротив, видели в поведении князя Владимира и его окружения, а также в описании пира и раздаваемых пожалований отзвуки времен опричнины ⁴. Конфликт князя и богатыря в былине рассматривался как отзвук ссоры Ивана Грозного с Михаилом Воротыньским. С датировкой “Былины о Сухмане” XVI в. согласились и А.И. Соболевский, связавший имя героя с

именем Сукман, известным по акту 1503 г. и в топонимике Московской области ⁵, и В.Ф. Миллер, сопоставлявший отчество богатыря с именем псковского князя Довмонта ⁶, и Б.М. Соколов, усматривавший, в след за С.К. Шамбинаго, влияние на былинку “Сказания о Мамаевом побоище” и черты эпохи Ивана Грозного в бытовых подробностях легенды ⁷.

М.Е. Халанский обратил внимание на сходство былины с рассказом Никоновской летописи о Демьяне Куденевиче. Думая, что в основе “Былины о Сухмане” лежит древнее сказание, ученый высказал предположение, что оно на юге Руси легло в основу рассказа о переяславском герое, а на северо-востоке Руси – вошло в состав былины ⁸. А.С. Якуб, также находя в “Былине о Сухмане” много общего с летописным рассказом, считала основанием былины народное предание XII в., отразившееся и в Никоновской летописи. Былина искадила имя и отчество героя ⁹. Близкого мнения придерживался П.П. Миндалев, сопоставивший былинку еще и с “Житием Меркурия Смоленского”. Сходство же со “Сказанием о Мамаевом побоище” исследователь объяснял общими приемами эпического стиля ¹⁰.

П.В. Владимиров попытался объединить обе точки зрения. Отрицая тождество былины с летописным рассказом о Демьяне Куденевиче и наличие в ней сентиментальных черт, он и отождествление охоты видел в “Былине о Сухмане” сочетание старинных мотивов (происхождение реки из крови богатыря) с чертами княжеского быта XI-XII вв. (разговор князя с рекою в “Слове о полку Игореве”). В обещании богатыря изловить руками лебедушку исследователь видел один из древнейших способов охоты, наивно сопоставляя

нереальное задание с естественным способом лова диких лошадей ¹¹. Л.Т. Белецкий, приняв сопоставление “Былины о Сухмане” с “Житием Меркурия Смоленского”, посчитал, что былина возникла позднее жития ¹².

М.О. Скрипиль, обращая внимание на существование двух редакций былины: северной, в которой одновременно присутствуют мотив битвы с татарами и мотив конфликта богатыря с князем, и алтайской, в котором присутствует только мотив битвы с татарами, считал неразрешенность конфликта в северной редакции былины нарушением многовековых традиций. На этом основании исследователь считал, что первоначальный вид былины, отразившийся в ее алтайской редакции, был создан в древности, а свой современный вид она приобрела после решительной переделки в XVI в. ¹³

В.Я. Пропп, считал основной идеей былины изображение зла социального, как зла морального и датировал ее XVI в. ¹⁴

В.И. Малышев в своем обстоятельном разборе былины не стал обращать особое внимание на время ее создания, но сопоставил с другими эпическими произведениями русского народа и воинскими повестями древнерусской литературы. Он считал, что былина восходит к “Сказанию о Мамаевом побоище”. Отражением эпического памятника в русской книжности он считал “Повесть о Сухане”, известную в записи XVII в. ¹⁵

По мнению Б.А. Рыбакова, былина о Сухане Одихмантиевиче стоит несколько особняком в киевском цикле. Она относится к сказаниям о так называемых младших богатырях и близка былине о Сауре Ванидовиче ¹⁶. Имя героя

исследователь толковал как тюркское “су хан”, т.е. князь воды. Б.А. Рыбаков считал, что “Былина о Сухмане” отражала историю русско-половецких отношений во второй половине XII в., когда воины черных клобуков, носившие, как и Сухман, не русские имена, сражались за Русь. Ученый еще более уточняет время сложения былины - 1183-1192 гг. Основанием для такого утверждения ему послужило то обстоятельство, что в этот период произошла ссора с киевским князем князя торков Кунтувдеем, подвергшийся оговору и опале в 1190 г. Сближению этой ситуации с обидой Сухмана на князя Владимира, по мнению Б.А. Рыбакова, способствуют разговор с рекой и название Днепра - Словутич, также встречающийся в “Слове о полку Игореве” (1185 г.), наименование предводителя татар в некоторых вариантах былины Азбьяк Таврульевич, сопоставляемого с Кобяком Карлыевичем, убитым в 1183 г.¹⁷ В.П. Аникин полностью принял мнение Б.А. Рыбакова¹⁸.

В.И. Калугин также обратил внимание на связь эпического сюжета о Сухмане с рассказами Ипатьевской летописи о Демьяне Куденевиче под 1148 г. и Никоновской летописью об Алеше Поповиче и Яне Усмошвице под 1001 г. Вспоминал он и “Повесть о Сухане”¹⁹.

Критический разбор иностранных исследований “Былины о Сухмане”, проведенный В.И. Малышевым, показал, что зарубежные ученые также предлагали различные варианты датировки былины – от глубокой древности (А. Брюкнер, Дж. Дюмезиль, Л.А. Магнус, И. Махаль, Ю. Кржижановский) до XV-XVI вв. (Р. Траутманн, В. Воллнер, Н.К. Чадвик)²⁰.

Из приведенного обзора мнений видно, что взгляды исследователей на время появления “Былины о Сухмане” значительно расходятся, а для определения ее датировки использовались достаточно произвольные толкования отдельных мотивов и имен, стилистических приемов и идей, а также поиск книжных параллелей.

Последний метод представляется самым надежным. Поскольку былина известна в двух редакциях, а параллельные ей места обнаруживаются в различных памятниках древней русской книжности, то история ее сложения может быть достаточно хорошо восстановлена при сопоставлении всех этих текстов.

Безусловно ближайшим к былине памятником книжности является “Повесть о Сухане” XVII в.²¹ Но, помимо этой повести о Сухане, известно еще несколько произведений, сюжеты которых построены с использованием того же набора ходов и тех же мотивов. Это, прежде всего, сказание о Демьяне Куденевиче Ипатьевской летописи, сказание о Евпатии Коловрате в цикле повестей о Николе Заразском и житийная повесть о Меркурии Смоленском.

Так, Ипатьевская летопись под 1148 г. рассказывает о том, как Глеб Юрьевич навел на Русь половцев и осадил Переяславль. Демьян Куденевич вместе с Тарасом разбил врагов. Но Глеб Юрьевич с половцами вновь “оступиша град” Демьян Куденевич вышел на встречу им “не имеа же ничтоже одеания доспешнаго на себе”. Он смог опять разбить половцев, но и сам “изнеможе от ран”. К умирающему богатырю спешит великий князь Мстислав Изяславич с богатыми дарами и обещает герою славу и власть, но герой

отказывается от всего, поскольку чувствует, что умирает²². На сходство рассказа летописи с “Былины о Сухмане” обращали внимание многие исследователи²³.

В этом рассказе нет еще мотива ссоры с князем, а есть лишь основа для его дальнейшего появления – подвиг богатыря остался не вознагражденным. Но сама гибель Демьяна Куденевича, свершения подвига в тайне от всех и невознагражденность героя составляют специфические черты и “Былины о Сухмане”.

Сюжетное построение и многие детали повествования еще более сближают “Былину о Сухмане” и с рассказом о Евпатии Коловрате из “Повести о разорении Рязани Батыем”. Фольклорность образа Евпатия давно отмечалась исследователями²⁴, но его близость образу Сухмана не привлекала к себе должного внимания.

Однако нельзя не признать необычайное сходство сюжетной схемы “Былины о Сухмане” и рассказа о Евпатии Коловрате. В обоих произведениях герой внезапно оказывается перед необходимостью самостоятельного решения вопроса – вступать или не вступать в схватку с численно превосходящим противником (в былине герой узнает о нашествии врага, находясь на охоте, в повести – приехав в только что разоренный и обезлюдивший город). В обоих памятниках подчеркивается неравенство сил (громадное численное превосходство противника. И там, и там герой одерживает победу и погибает. Показательно использование обоими произведениями этого редкого сюжетного хода - гибели героя. Подвиг их первоначально не имеет свидетелей, которые могли бы по достоинству воздать

им честь. В “Былине о Сухмане” князь Владимир не верит рассказу героя о победе, приказывает заточить его в погреб, а после получения доказательств правдивости слов Сухмана, приказывает отпустить его, но тот не желает принимать милость и кончает жизнь самоубийством. В “Повести о разорении Рязани Батыем” честь Евпатию воздаст его противник Батый, что само по себе не приемлемо для героя. Излишество этой чести подчеркнуто еще и тем, что она воздается мертвому богатырю.

Сходство обоих произведений подчеркивает и такая деталь, как использование против героев осадных машин- пороков, что невозможно в реальном полевом сражении. В “Былине о Сухмане” *“царь Азбук, видя гибель свою неминуемую – убить богатыря нечем – велел зарядить три порока, а в пороке по рогатине”*²⁵ Огромные самострелы были скрытно поставлены в глубоком овраге, и выпущенные из них рогатины нанесли смертельные раны Сухману. В “Повести о разорении Рязани Батыем” *“возбоялись татары, видя какой Евпатий крепкий исполин, и навели на него множество орудий для метания камней, и стали бить по нему из бесчисленных камнеметов, и едва убили его”*²⁶.

Большая близость обоих произведений заставляет учитывать сказание о Евпатии Коловрате при реконструкции истории сложения “Былины о Сухмане”. Поэтому стоит задаться вопросом: когда же появилась “Повесть о разорении Рязани Батыем”, содержащая рассказ о Евпатии?

“Повесть о разорении Рязани Батыем” - давно и хорошо известный памятник древнерусской литературы. Ни один курс по истории древней русской литературы не обошел

вниманием это произведение. Однако она до сих пор имеет две взаимоисключающие датировки - XIII-XIV вв. и XVI в.

Со времен Н.М. Карамзина ее воспринимали как свидетельство современника татарского нашествия на Русь²⁷. Обоснованию ранней датировки много сил отдали Д.С. Лихачев²⁸ и его ученица И.А. Евсеева-Лобакова²⁹. Отнесение “Повести о разорении Рязани Батыем” к XIII-XIV вв. аргументировалось ими живостью изображения бедствий, обрушившихся на Русь, глубоким патриотическим чувством и остротой переживания, пронизывающими все произведение. Д.С. Лихачев сосредоточил внимание на связи повестей Николо-Зараского цикла с памятниками древнерусской литературы XIV-XV вв. (“Задонщиной”, “Повестью о нашествии Тохтамыша на Москву”, “Словом о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русьского”, “Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.”), причем, первичным он считал текст “Повести о разорении Рязани Батыем”.

Но, хотя выявленные Д.С. Лихачевым текстуальные заимствования не вызывают сомнений, он не смог убедительно доказать первичность повестей Николо-Зараского цикла по отношению к перекликающимся с ними памятниками древнерусской литературы XIV-XV вв.

Если предположить, что к заимствованиям из “Повести о разорении Рязани Батыем” прибегали авторы “Повести о нашествии Тохтамыша”, “Слова о житии и преставлении ... Дмитрия Ивановича”, “Задонщины”, то создалась бы странная ситуация: каждый из авторов этих произведений, обращался не ко всему тексту, а лишь к отдельной его части, причем каждый книжник использовал лишь тот отрывок “Повести о разорении

Рязани Батыем”, который не брали составители других произведений. Естественнее было бы предположить, что отдельные части “Повести о разорении Рязани Батыем” были написаны под влиянием различных памятников древнерусской литературы конца XIV-XV вв. Это ставит под сомнение вывод Д.С. Лихачева о формировании этого цикла на протяжении двух столетий, при том, что его основа относится к первой половине XIV в.

Но кроме работ, доказывавших раннюю датировку памятника, известны и исследования, предлагавшие датировать его XVI в.³⁰

Какие же аргументы можно привести в пользу датировки “Повести о разорении Рязани Батыем” XVI в.? О позднем сложении этого памятника древнерусской литературы могут свидетельствовать серьезные искажения исторических фактов в “Повести”, характерные для XVI в. речевые обороты в ее тексте, и переключки с памятниками русской литературы XV в., а также положение “Повести” среди других произведений Николо-Зараского цикла в различных его редакциях.

Так, в “Повести о разорении Рязани Батыем” есть целый ряд несоответствий историческим реалиям XIII в. Ее автор забывает имена рязанских князей, путает их родственные связи и судьбы. Так, названные в числе павших в битве с татарами Давыд Муромский и Всеволод Пронский скончались до татаро-монгольского нашествия. Не дожил до этого времени и Михаил Всеволодович, которому в “Повести” пришлось восстанавливать после разорения Пронск. Олег Ингоревич Красный, который, кстати, был не братом, а племянником рязанского князя Юрия,

не пал от татарских ножей. Страшная: гибель, приписанная ему автором “Повести”, на самом деле ждала через 33 года его сына Романа. Сам же Олег Ингорович вернулся из татарского плена в 1252 г. Епископ рязанский не погиб в осажденном городе, а выехал из Рязани незадолго до прихода татар. В качестве предков рязанских князей названы Святослав Ольгович и Ингорь Святославич, в действительности не являвшиеся родоначальниками рязанского княжеского дома. Сам титул Юрия Ингоровича - великого князя рязанского - появился лишь в последней четверти XIV в. До этого рязанский стол занимали просто князья. Определение дружины Евпатия Коловрата, численностью в 1700 человек, как небольшой, не соответствует реалиям домонгольской и удельной Руси, когда количество воинов у князя редко превышало 1000 всадников. Отождествление татар с половцами кажется характерным для XVI в.. Путаница родословных черниговских и рязанских князей возникла в то же столетие.

“Повесть о разорении Рязани Батыем” входит в цикл повестей о Николе Заразском. На сегодня выявлено 65 рукописных сборников, содержащих повести Николо-Заразского цикла. Списки делятся на 13 редакций, отличающихся друг от друга как по составу входящих в них произведений и их последовательности в цикле, так и самими текстами. Все редакции, за исключением редакции Святцев и Краткой редакции, восходят к редакциям Основным А и Б (первого и второго видов).

Время создания “Повести о разорении Рязани Батыем” может быть достаточно точно установлено по ее месту среди других произведений Николо-Заразского цикла в его

Основных редакциях. Можно предположить, что Николо-Зарайский цикл, во многом построенный как летопись, и возник по законам создания летописных сводов, когда к ранее написанному тексту последовательно добавлялись новые части.

Началом свода повествований о Зарайской святыни является “Повесть о принесении иконы Николы Корсунского в Рязань и о гибели князя Федора и его семьи”. Она открывает Николо-Зарайского цикл во всех его редакциях, а ее текст отличается большой устойчивостью. Видимо первоначально эта “Повесть о принесении иконы и о гибели князя Федора” существовала как самостоятельное произведение. Отдельно от других произведений Николо-Зарайского цикла эта повесть или ее части известны в Прологе, в Хронографе Сергея Кубасова, в Краткой редакции Николо-Зарайского цикла и в редакции Святцев. Причем последняя более логично объясняет связь событий татаро-монгольского нашествия со святыней, использует более архаичную лексику и приводит две версии происхождения названия города Зарайск, что обычно бывает в момент зарождения легенды.

“Повесть о принесении иконы и о гибели князя Федора” повлияла на “Повесть о разорении Рязани Батыем”, которая, возможно, первоначально также была самостоятельным произведением. Первая “Повесть” отражала топонимическую легенду о происхождении названия города Зарайск. Но сказание не могло появиться раньше, чем у города появилось само это имя, а в конце XIV в. в “Списке русских городов дальних и ближних” Зарайск назван “Новгородок на Осетре”. Лишь с начала XVI в. появилось имя Зарайск. Следовательно местная

топонимическая легенда могла появиться лишь в это время, а “Повесть о разорении Рязани Батыем” возникла еще позднее.

Тексты “Повести о разорении Рязани Батыем” в Основных редакциях восходят к единому протографу, по своему перерабатывая его. Но место, которое “Повесть о разорении Рязани Батыем” занимает в редакции Основной Б второго вила, отличается от места, отведенного “Повести” в редакциях Основной А и Основной Б первого вида.

В редакции Основной Б второго вида за рассказами о принесении иконы св. Николая в Рязань и о гибели князя Федора и его семьи следует “Родом поповский” в редакции, созданной около 1526 г. (из 9 колен и 11 имен). Это родословие как бы отделяет древнейшую часть Николо-Зараского цикла от “Повести о разорении Рязани Батыем”, за которой следует “Сказание о чуде 1513 г.”. “Сказание” создано до 25 августа 1530 г., поскольку в заключительном призыве к молитве о “государево здравии”, кроме самого великого князя Василия Ивановича и его “благоверной княгини”, упомянут государев брат, являвшийся наследником престола до рождения Иван Грозного. Следовательно, “Повесть о разорении Рязани Батыем” в Николо-Зараском цикле помещена между родословием священнослужителей 1526 г. и “Сказанием о чуде” 1530 г., что позволяет предположить ее написание в этом временном промежутке.

Косвенным свидетельством того, что до конца 1520-х гг. “Повестью о разорении Рязани Батыем” еще не было, является тот факт, что следов знакомства с ней нет в Никоновской летописи. А ведь эта летопись, составленная по повелению уроженца Рязанской земли митрополита

Даниила всячески старалась подчеркнуть былое величие Рязанского княжества. Было бы странным, если бы он, зная “Повесть о разорении Рязани Батыем”, не приказал включить ее в создаваемый летописный свод. Никоновская летопись составлена около 1529 г.³¹, и, следовательно, до этого времени “Повести о разорении Рязани Батыем” еще не было.

Этот вывод подтверждается и положением “Повесть о разорении Рязани Батыем” в редакциях Основной А и Основной Б первого вида. В них Николо-Зараский цикл подвергся переработке, расставившей все его повести в порядке описываемых событий. “Повесть о разорении Рязани Батыем” с похвалой роду рязанских князей присоединили к “Повести о принесении иконы Николы Корсунского в Рязань и о гибели князя Федора и его семьи”, а завершили свод “Родом поповским”, но уже в редакции 1560 г. (из 10 колен и 10 имен). Далее помещено “Сказание о чудесах”, составленное после 1528-1529 гг. Все это наводит на мысль о написании редакций Основной А и Основной Б первого вида в период от 1529 г. до 1560 г.

Это объясняет заимствования “Повестью о разорении Рязани Батыем” не только летописных рассказов о погребении Андрея Боголюбского и Василька Константиновича, но также фрагментов из “Задонщины”, “Повести о нашествии Тохтамыша на Москву”, “Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русьского”, “Жития Стефана Лазаревича” и “Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.”. Незнание автором реалий XIII в. не только заставило его обратиться к летописному рассказу о татарском нашествии на

Русь, в том числе и через посредство сказания о гибели князя Федора, но и не позволило ему заметить многие неточности составленной им “Повести”.

В результате можно сделать вывод о том, что содержащая сказание о Евпатии Коловрате “Повесть о разорении Рязани Батыем” была написана в 1529-1530 гг., и именно в это время в Рязанской земле бытовало схожее с былинной о Сухмане предание о рязанском удалце Евпатии Коловрате.

С “Былиной о Сухмане” перекликается и “Житие Меркурия Смоленского”. Сюжетная схема обоих повествований приблизительно одна и та же. Так же, как и Сухман в былине, Меркурий в тайне от других людей узнает о своей обязанности вступить в бой с татарами (действие происходит ночью и никто кроме пономаря не видит героя), противник святого мученика многочисленен, смерть Меркурий принимает после победы от необычного противника - *“варваряна люта или сына того исполина”* (в Жулевской редакции “Жития” в этом месте появляется ангел), непочтение героя со стороны бранящей девицы приводит к его смерти. Но в этом сказании есть и отличия от “Былины о Сухмане. Во первых, герой вооружен. Во вторых, поведению девицы противопоставлено погребение святого Пресвятой Богородицей. Есть в “Житии Меркурия Смоленского” и перекличка со сказанием о Евпатии Коловрате. Герой “Повести о разорении Рязани Батыем” побеждает могучего шурина царя Батыя, а смоленский святой – некоего исполина. Поэтому для определения времени сложения “Былины о

Сухмане необходимо учесть и время составления “Жития Меркурия Смоленского”.

“Житие Меркурия Смоленского” также давно известный и хорошо изученный памятник древнерусской книжности ³². Исследователям удалось выявить многочисленные списки “Повести” (79 списков) и распределить их по 7 редакциям, установить соотношение этих редакций между собой и выявить основные линии развития памятника (летописную, минейную и фольклорную), определить литературные источники сказания и своеобразие поэтики его редакций.

Аре. Кадлубовского убедительно доказал зависимость сказания о Меркурии Смоленском от “Жития Меркурия Кесарийского” ³³, сделав вывод, что “Житие Меркурия Смоленского” представляет собой попытку приурочить события из жизни раннехристианского мученика к событиям русской истории XIII в. Таким образом, смоленская легенда - оригинальное произведение древнерусской литературы, посвященное теме борьбы с Батыевым нашествием, которое, однако, не отражает реального хода событий.

Определить время сложения “Жития” трудно, поскольку оно относится к легендарно-историческим произведениям и имеет не так много исторических реалий. Исследователями были высказаны различные точки зрения на ее датировку, от XIII до XVI вв. Однако сейчас общепринятым стало мнение о создании этого памятника не ранее второй половины XV - начала XVI в.

Летописную линию развития “Жития Меркурия Смоленского” образуют три редакции. Наиболее ранней из них признается Хронографическая редакция. Ее

возникновение может быть отнесено ко времени между написанием Хронографа 1512 г. и созданием свода, отраженного в Русском Временнике. К Хронографической редакции восходит протограф “Жития Меркурия Смоленского”, помещенного в Новгородской Забелинской летописи. Составление Забелинской редакции относится к первой половине XVI в. Наконец, летописную линию развития памятника продолжает Летописная редакция, помещенная в своде 1652 г. и его протографе, своде 1592 г.

Другую линию развития памятника представляют тексты, помещенные в четыре сборники различного содержания и разделяющиеся на две редакции (Минейную и связанной с ней Западнорусскую) Создание Минейной редакции определяется около 1550 г. Западнорусская или Смоленская редакция “Жития” связывается с культурной деятельностью, развернувшейся в Смоленске после его возвращения России в 1654 г.

Своеобразной лирической редакцией “Повести” Ф.И. Буслаев считал службы Меркурию Смоленскому. На сегодня известно 10 списков служб, разделяемых на 3 редакции. Древнейшей среди них является Варсонофиева редакция, составленная в 1509-1514 гг. Уваровская редакция службы возникла после 1550 г. и до 1611 г. Архивная же редакция службы была написана во второй половине XVII в.

Особую линию развития “Жития” (фольклорную) представляет сохранившаяся в единственном списке Жулевская редакция. В ней к Меркурию обращается не икона, а сама Богородица, гибель его происходит не от “варваряна люта или сына того исполина”, убитого Меркурием, а от

посланного Богоматерью прекрасного воина, битва с татарами происходит не сразу за Днепром, в 30 поприщах от города, на подвиг же Меркурий отправляется из Печерского монастыря, а не из Успенского собора. В Жулевской редакции нет указания на римское и княжеское происхождение Меркурия, но есть сообщения о молящихся в соборной церкви горожанам, упоминается крест, перед которым молился Меркурий, Петровская сто, Печерский монастырь, чудесный конь и т.д.

Ф.И. Буслаев, думая, что “за эпическим периодом народного предания наступает новый период, лирический, в песнопениях или стихах, и прозаический в литературной отделке предания”³⁴, именовал Жулевскую редакцию народной и считал древнейшей. О.Н. Бахтина также полагала, что “протограф Жулевской редакции был создан в эпоху, близкую отраженным событиям, и несет в себе черта архетипа”³⁵.

Однако историко-топографические реалии, встречающиеся в Жулевской редакции “Жития Меркурия Смоленского”, указывают на XVII в.³⁶ Архиепископский сан смоленского владыки также подсказывает время создания Жулевской редакции: архиепископом глава смоленской епархии был с 1589 по 1681 гг.³⁷ В этой связи приобретает большое значение тот факт, что Жулевская редакция встречается лишь в единственной рукописи 1665 г. Предположение о возможном отражении в этой редакции “Жития” сказаний о Меркурии Смоленском, бытовавших в устной народной традиции, подкрепляется наличием очень близкого варианта легенды, записанного в XIX в. в

Смоленской губернии ³⁸. Однако для ранней датировки Жулевской редакции “Жития” у нас нет никаких оснований. Даже О.Н. Бахтина считала невозможным отождествлять протограф Жулевской редакции с архетипом “Жития”, предположив его литературную обработку в XVII в.

Кое-что о создании Жулевской редакции может подсказать и путаница в названии южных ворот Смоленской крепости. Книжник называет их Мологскими, хотя правильное звучание этого имени - Молоховские. Это позволяет предположить недавнее появление составителя Жулевской редакции в Смоленской земле. Скорее всего, он приехал с севера, из окрестностей Мологи. Этим объясняется и его интерес к новым для него преданиям, и их переработка в духе северорусских былин.

Три наиболее ранние редакции “Жития” (Хронографическая, Забелинская и Минейная) были созданы во второй четверти XVI в. на базе “Жития Меркурия Кесарийского” и западноевропейских легенд об обезглавленных мучениках ³⁹, а следовательно, ее появление надо связывать с эпохой установления тесных контактов Руси с Западной Европой в конце XV - первой половине XVI вв. Исходя из сказанного, можно предположить зарождение сказаний о Меркурии Смоленском во время борьбы за присоединение Смоленска к Русскому государству. Таким образом еще один памятник древнерусской литературы, имеющий сюжет, сходный с былинной о Сухмане датируется началом XVI в.

В текстах XVI в. еще примеры развития сходного сюжета. Так, в 1594 г. посланник римского императора Рудольфа II

Эрих Лассота в Антониевой пещере Киево-Печерского монастыря отметил мощи “великана и богатыря, названного Чоботком. Как говорят, когда-то внезапно напали [на богатыря] неприятели как раз когда он надел было один из сапогов своих. Не имея под рукой другого оружия, он в то время оборонялся от них другим сапогом, еще не надетым, и перебил им всех своих врагов, почему и был назван Чоботком”. Но в описании Киево-Печерского монастыря Афанасия Кальнофойского - “Teratourgema”, изданной в 1638 г., эти мощи уже приписаны “Илье Муромцу, по народному именуемому Чоботок”. Сражение без оружия сближает этого героя с былинным Сухманом. Но факт его погребения в Киево-Печерском монастыре Чоботка с Меркурием Смоленским, поскольку помимо сообщения о гробнице святого в Смоленске есть известие о переносе его мощей в Киево-Печерскую лавру. Однако сюжет победы над врагом с помощью не оружия, а первой попавшейся вещи оказался привязан к былине “Добрыня и Змей”. Чоботок же оказался отождествлен с Ильей Муромцем, чья гробница, вместе с гробницей его товарища, стояла в приделе Софийского собора. и в 1594 г. была уже разрушена. Показательно, что, как и в сказании о Демьяне Куденевице, время действия Ильи-Чоботка связывается Афанасием Кальнофойским с XII в. (1188 г.)⁴⁰.

Подводя итоги всему ранее сказанному, следует признать, что рассказ о Евпатии Коловрате из “Повести о разорении Рязани Батыем”, “Житие Меркурия Смоленского” и сказание о Никите Демьяновиче, помещенное в Ипатьевской летописи сюжетно схожи между собой и близки “Былине о

Сухмане”. В них герой внезапно сталкивается с противником, самостоятельно принимает решение об оказании отпора врагу, ведет бой с превосходящими силами противника, одерживает победу и погибает, но не в поединке, а в результате какого-то чрезвычайного обстоятельства (вражеской хитрости или по Божьей воле), подвиг первоначально не имеет свидетелей, а воздаваемая ему людская хвала неуместна т.к. павший герой уже в ней не нуждается.

Но к моменту создания названных памятников древнерусской литературы в этом эпическом сказании о непризнанном подвиге еще не устоялись ни имя героя (Евпатий Коловрат, Меркурий Смоленский, Никита Демьянович), ни место его действия (Рязань, Смоленск, Переяславль), а также отсутствовали четкая хронологическая привязанность события (1237, 1237, 1148 гг.) и единое объяснение причин по которым герой не мог сразу принять почести за свой подвиг (честь воздает Батый, идущая за водой девка бранит героя, князь опаздывает к ложу умирающего победителя). Все эти подробности приобрели окончательный вид только в XVII в., когда данный сюжет нашел свое развитие в “Повести о Сухане”. В ней мы встречаем те же именные, топографические и хронологические привязки действия, что и в “Былине о Сухмане” (герой - Сухан/Сухман; место действия – окрестности Киева, время действия – эпоха князя Владимира, враги - татары). В сказании о Сухмане на первый план выдвинут социальный конфликт – важной оказывается не только победа богатыря, но и его самоубийство, как протест против недоверия ему, проявленного со стороны князя. Само

имя этого героя находит свое отражение в “Сказании о киевских богатырях” из рукописного сборника XVII в.⁴¹

Таким образом, сказания, отразившие сюжетную схему “Былины о Сухмане”, впервые зафиксированы в древнерусской книжности в начале XIII в., но еще были лишены мотива оскорбления героя, возвращавшегося после подвига. В первой трети XVI в. эти сказания получили более широкое распространение, оказались дополнены мотивом оскорбления героя, но еще не имели окончательного оформления. Следовательно, читая сказание о Никите Демьяновиче в Ипатьевской летописи, “Повесть о разорении Рязани Батыем” и “Житие Меркурия Смоленского”, мы присутствуем при моменте рождения былины XVI-XVII вв. о татаро-монгольском нашествии. эпического сказания близкого “Былине о Сухмане”.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹. Шамбинаго С. Исторические переживания в старинах о Сухане // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. Ч. II. С. 503-515; Описание всех известных ныне вариантов былины с разделением по редакциям привел в своей книге С.Н. Азбелев: Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора.. Л., 1982. С. 290.

². Малышев В.И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1956. С. 198.

³. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. С. Т. II. С. 223-224.

⁴. Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869. С. 617-625; Шамбинаго С. Исторические

переживания в старинах о Сухане // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. Ч. II. С. 505-515.

^{5.} Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 246.

^{6.} Миллер В.Ф. Очерки народной русской словесности. М.; Л.: ГИЗ, 1924. Т. III. С. 167-173.

^{7.} Соколов Б. Непра-река в русском эпосе // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук. СПб., 1912. Т. XVII. Кн. 3. С. 201-210.

^{8.} Халанский М.Е. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885. С. 53-57.

^{9.} Якуб А. К былине о Сухмане // Этнографическое обозрение. М., 1904. Кн. LX. № 1. С. 43-66.

^{10.} Миндалев П.П. Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос // Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913. С. 266-273; Миндалев П. Ответ на рецензию г. Л. Белецкого // ЖМНП. Новая серия. Пг., 1915. апрель. С. 422-426.

^{11.} Владимиров П.В. Введение в историю русской словесности. Из лекций и исследований. Киев, 1896. С. 228-229

^{12.} Белецкий Л. К литературной истории повести о Меркурии Смоленском (по поводу статьи г. П. Миндалева "Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос". Казань, 1913, 16+7 стр.) // ЖМНП. Новая серия. Пг., 1914. декабрь. С. 355-370.

^{13.} [Скрипиль М.О.] Народное поэтическое творчество XV-XVI вв. (былины, пословицы) // Русское народное поэтическое творчество. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. I. С. 339-340.

^{14.} Пропп В.Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С374-384, 538-539.

15. Малышев В.И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1956.
16. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. - М., 1963. С. 139.
17. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. [М.:] Изд-во АН СССР, 1963. С. 139-140, 145-150.
18. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М.: Высшая школа, 2001. С. 317.
19. Калугин В.И. Струны рокотаху...: Очерки о русском фольклоре. М.: Современник, 1989. С. 255-258.
20. Малышев В.И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1956. С. 206-209.
21. Малышев В.И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1956.
22. Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871. С. 343.
23. Халанский М.Е. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885. С. 53-57; Якуб А. К былине о Сухмане // Этнографическое обозрение. М., 1904. Кн. LX. С. 43-66.
24. Водозов Н.В. Повесть о разорении Рязани Батыем // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 48. Вып. 5. М., С. 3-27.; Путилов Б.Н. Песня о Евпатии Коловрате // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. XI. С. 118-139; Путилов Б.Н. Песня об Авдотье Рязаночке // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 163-168; Путилов Б.Н. К вопросу о составе Рязанского песенного цикла. ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 230-244; Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 43-48; Полянчев В. Первый рязанский писатель. Литературная Рязань, 1989. Кн. 4. С. 225-230.
25. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. [м.:] Изд-во АН СССР, 1963. С. 146.
26. Цит. по Рыбакову
27. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1818. Т. III. С. 277-281.
28. Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском: (Тексты). ТОДРЛ. М. - Л., 1949. Т. VII. С. 257-406; остальную библиографию см.: Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразскомю

// Словарь-справочник книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI-первая половина XIV в.). с. 332-337.

²⁹. Евсеева И.А. “Повесть о разорении Рязани Батыем” в составе тематического цикла о татарском нашествии в Русском временнике и Хронографе 1599 г. // Вестник ЛГУ. 1983. № 20. С. 50-55; Евсеева И.А. Анализ формульного стиля Повести о разорении Рязани Батыем // Рукописная традиция XVI-XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 120-125; Евсеева И.А. Повесть о разорении Рязани Батыем в Хронографической редакции XVI в. // Древнерусская литература. Л., 1984. С. 156-171; Евсеева И.А. “Повесть о разорении Рязани Батыем”: Редакции XVI и XVII веков. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1985; Евсеева-Лобакова И.А. “Стрелецкая” (Псковская) редакция “Повести о разорении Рязани Батыем” (к вопросу о времени и принципах переработки текста источника) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. XLIV. С. 370-377; Лобакова-Евсеева И.А. “Повесть о разорении Рязани Батыем” в новых редакциях XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1992. Т. XLV. С. 379-389; Лобакова И.А. Проблема соотношения старших редакций “Повести о разорении Рязани Батыем” // ТОДРЛ. Л., 1993. Т. XLVI. С. 36-52; Лобакова И.А. Воинское повествование и агиографическая традиция в литературе XVII в. (на материале Распространенной редакции “Повести о разорении Рязани Батыем”) // ТОДРЛ. Л., 1993. Т. XLVIII. С. 297-301.

³⁰. Орлов А.С. Древняя русская литература XI-XVI вв. М.; Л., 1939. С. 141-145; Орлов А.С. Героическая тема древней русской литературы. М.; Л., 1945. С. 107-112; Кузьмин А. Г. Летописные известия о разорении Рязани Батыем // Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1963. № 2. С. 55-70.; Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М. 1965. С. 154-180; Амелькин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV -первой половины XVI в. (По

материалам агиографических сказаний и памятников фольклора). Канд. дисс.... ист. наук. М., 1992, с. 84-101; Амелькин А.О. Когда родился Евпатий Коловрат // Родина. 1997. № 3-4; Амелькин А.О. О времени создания и литературной истории цикла Повестей о Николe Заразском // Научно-богословская конференция “Зарайские мученики князь Федор, княгиня Евпраксия и их сын Иоанн”. г. Зарайск, 12-13 декабря 1998 года. М., 1999. С. 73-100. К сожалению, последняя работа вышла со множеством опечаток.

³¹. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв., М., 1980.

³². Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т.2. С. 155-198; Кадлубовский Арс. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 44-107; Миндалев П.П. Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос // Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913. С. 266-273; Белецкий Л.Т. Литературная история Повести о Меркурии Смоленском // СОРЯС., 1922. Т. 99. № 8. С. 1-54.; Скрипиль М.О. Повесть о Меркурии Смоленском // История русской литературы. М.;Л.: Изд-во АН СССР. 1946. Т. 2. Ч. I..С. 357-361; Гудзий Н.К. Мотив усеченной головы в татарской легенде об Азисе // Известия Таврической Ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. № 56. С. 98-103; Бахтина О.Н. Повесть о Меркурии Смоленском в литературном контексте XV-XVII вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1982. Бахтина О.Н. Новгородская Забелинская редакция Повести о Меркурии Смоленском // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 196X. - С. 153-158; Амелькин А.О. Исторические реалии в “Повести о Меркурии Смоленском” // Мир житий. Сборник материалов конференции (Москва, 3-5 октября 2001 г.). М., 2002. С. 206-210.

^{33.} Кадлубовский Арс. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 44-107.

^{34.} Буслаев Ф.И.. Смоленская легенда о св. Меркурии и ростовская о Петре царевиче Ордынском // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т.2. С. 171.

^{35.} Бахтина О.Н. Повесть о Меркурии Смоленском в литературном контексте XV-XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1982. С. 16-18.

^{36.} Амелькин А.О. Исторические реалии в “Повести о Меркурии Смоленском” // Мир житий. Сборник материалов конференции (Москва, 3-5 октября 2001 г.). М., 2002. С. 206-210.

^{37.} Макарий (Булгаков) митр. Московский и Коломенский. М., 1996. Кн. 6. С. 42; Кн. 7. С. 608.

^{38.} Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1. С. 379.

^{39.} Кадлубовский Арс. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 44-107; Гудзий Н.К. Мотив усеченной головы в татарской легенде об Азисе // Известия Таврической Ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. № 56. С. 98-103.

^{40.} Калугин В.В. Струны рокотаху... Очерки о русском фольклоре М.: Современник, 1989. С. 116-120; Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М.: Высшая школа, 2001. С. 346-347.

^{41.} Калугин В.В. Струны рокотаху... Очерки о русском фольклоре М.: Современник, 1989. С.104.

Песня об Авдотье-Рязаночке

Русские исторические песни как источник сведений о прошлом нашего народа редко привлекаются исследователями. Причиной этого является сложность анализа их текста. Во-первых, в исторических песнях ученым приходится иметь дело не с самим событием, а с его отражением, которое значительно искажает исторический факт. Во-вторых, поскольку песни, как всякое произведение фольклора, живет в памяти сказителей и не имеет зафиксированного текста, то, в зависимости от потребности аудитории и интересов исполнителей, текст песен подвергается изменениям. Поэтому очень важно определить степень искажения реальных событий в песне. Исследователям необходимо точно выяснить время сложения их первоначального текста, ведь от того, в какую эпоху создано то или иное произведение фольклора, зависит и ожидаемый уровень развития исторического сознания народа, а, следовательно, и особенности передачи исторической действительности. Но как раз одной из самых острых проблем изучения исторической песни и остается проблема ее происхождения, т.е. времени, причин и истоков формирования этого жанра. Диапазон мнений здесь огромен, от поиска корней исторической песни в княжих славах XI в. до точки зрения возводящей их начало к XV-XVII вв.

Одни исследователи пытались искать следы ранних исторических песен в текстах литературных памятников Древней Руси¹, доказывали их существование в домонгольский период бытованием в то же время у скандинавских народов поэзии скальдов, считали их отголосками некоторые поздние духовные

стихи, имеющие однако явное литературное происхождение (Борис и Глеб, Царь Давид и Олена, Егорий и др.)².

Другие считали более характерной формой проявления исторического сознания домонгольской Руси былинку, а рождение исторической песни связывали с переломом в общественном сознании, произошедшим после монголо-татарского нашествия³.

Но высказывались и мнения, относящее сложение исторических песен к более позднему времени: XIV, XV-XVI и даже началу XVII веков. К ученым, придерживающимся таких взглядов, можно отнести Г. Самарина, видевшего в песне об Авдотье Рязаночке отражение событий 1382 и 1472 гг.⁴, Л.И. Емельянова, считавшего временем начала формирования исторических песен XIV в.⁵, Ю.М. Соколова, утверждавшего, что “историческая песня как новый, отличный от былины жанр возникла с середины XVI века”⁶, А.Д. Сидельникова и А.А. Зимина, услышавших в песне о Щелкане Дюденевиче отголоски событий времен Ивана Грозного⁷, наконец В.И. Чичерова, обнаружившего в песнях о татарских набегах исторические реалии XVI-XVII вв.⁸

Основная причина споров о начальном этапе бытования исторических песен заключается в том, что существует хронологический разрыв между сюжетами большинства былин, освещающих события X-XIII вв., и сюжетами исторических песен, посвященных в основном событиям XVI-XIX вв. Отсутствие преемственности между сюжетами былин и исторических песен разрушает стройную картину развития историко-песенного жанра, возникшего якобы на смену былинному жанру. Заполняющие хронологическую лагуну за XIV-XV вв. песни о татарском полоне, Щелкане и др. имеют черты позднего, а подчас

и книжного происхождения. Реконструируемые песни-славы XI–XII вв. также не могут подкрепить эту гипотезу: во-первых, они – плод реконструкции исследователей, а, во-вторых, между ними и подлинными историческими песнями все равно существует хронологический разрыв. Поэтому для изучения вопроса о времени возникновения историко-песенного жанра важна датировка цикла песен о татарских набегах, и прежде всего песни об Авдотье Рязаночке, которая большинством ученых признается одной из ранних в этом цикле.

Сюжет песни прост. Царь Бахмет турецкий разоряет русский город Казань и выводит оттуда большой полон. У Авдотьи Рязаночки захватывают в неволю брата, мужа и свекра. Оставшись одна, Авдотья Рязаночка отправляется в землю Бахмета, просить у него освобождения хотя бы одного из пленников. По пути она преодолевает заставы, оставленные царем Бахметом, а во время свидания с ним дает правильный ответ на вопрос царя: кого ей следует освободить в первую очередь. Авдотья выбирает брата, поскольку ему нет замены. Растроганный царь Бахмет жалуется на потерю своего брата и повелевает отпустить всех пленников. И Авдотья Рязаночка восстанавливает город.

Среди исследователей существует несколько мнений об этой песне. Наиболее распространенной является точка зрения Б.Н. Путилова о том, что она является откликом на разорение Рязани Батыем и сложилась самое позднее в начале XIV в. Ему пытались возражать, однако развернутой аргументации специально по этому вопросу никто из оппонентов не приводил. В то же время, трудность приурочения песни к тому или иному событию не позволила Л.И. Емельянову отнести ее

к разряду исторических, т.к., по его мнению, она не отражает конкретного события⁹. Однако нам кажется, что для этого нет оснований. Сейчас большинство ученых относит песню об Авдотье Рязаночке к событиям 1237 г. Эта точка зрения, впервые высказанная еще Н.П. Рыбниковым и обоснованная Б.Н. Путиловым, закреплена в учебных пособиях и академических изданиях¹⁰. Доказательства ее сводятся к следующему: т.к. Казань после своего вхождения в состав России в 1552 г. никаким иноземным нашествиям не подвергалась, то, очевидно, она заменила в песне другой город; в фольклоре существует пара Рязань-Казань, и, скорее всего, этим первоначальным городом была как раз Рязань, на что указывают эпитеты “старая”, “подлесная” и прозвище героини - Рязаночка. Рязань же первой приняла на себя удар полчищ Батыея - следовательно, первоначально она и была в песне на месте Казани¹¹.

Нетрудно заметить, что все доказательство сводится к прозвищу героини, а оценка исторических событий опирается на их обобщенное описание, без учета того, как они воспринимались очевидцами. К тому же такая аргументация ставит ряд новых вопросов. Отчего в песне меняется наиболее устойчивый элемент фольклорного произведения - имя города, в котором происходит действие? Отчего, изменившись в тексте, оно сохранилось в прозвище героини? Отчего именно Казань заменяет в песне Рязань, а не наоборот, хотя сам автор этой гипотезы отмечает, что в условно-эпическом плане чаще упоминается более известная русскому населению Рязань, а с Казанью связаны вполне конкретные сюжеты? Откуда появляется имя противника Авдотьи Рязаночки? Как в песню пришли более поздние исторические реалии?

Сомнительной кажется попытка связать песню с событиями 1237 г. на том основании, что в тексте говорится о разорении русского города. Ведь у нас нет уверенности в том, что первоначально в песне была упомянута Рязань. И даже если предположить справедливость такой реконструкции, то из этого вовсе не следует, что в песне идет речь о Батыевом нашествии. Столица Рязанского княжества подвергалась разорению не только в этом году, но и 1382, и в 1472 гг., а татарские набеги на рязанские земли продолжались вплоть до второй половины XVII в. Возможно, уверенность исследователей в столь ранней датировке песни подкреплялась гипотезой о рязанском песенном цикле XIII в., доказательства существования которого видели в Повестях о Николе Заразском и Житии Петра и Февронии. Однако Повести о Николе Заразском окончательно сложились лишь в первой трети XVI в., а Житие Петра и Февронии составлено Ермолаем-Еразмом в середине XVI в.¹²

В то же время ни исторические реалии, ни сюжет песни не позволяют говорить о том что в ее основе лежат события разгрома Рязани Батыем. Помимо типичных фольклорных мотивов дальнего странствия, преодоления трех преград, состязания в мудрости при помощи загадок, все три варианта этой довольно редкой песни имеют ряд общих черт, характерных только для нее. Единными оказываются место действия и герои песни, увод полона и его социальный состав, отсутствие приключений при преодолении героиней преград, мирное возвращение полона и восстановление города “по-старому”, плач по погибшему в походе брату главного противника героини и, наконец, имена действующих лиц - Авдотьи Рязаночки и Бахмета турецкого¹³. Подобные черты еще встречаются в обработке грузинской песни А.

Церетели, но взаимосвязь этого произведения с русской исторической песней - объект специального исследования¹⁴.

Сюжет песни не похож на реальные события Батыева разгрома: царь Бахмет выводит полон, Батый же захватывал земли, налагал дань; город Казань, согласно песни, восстанавливается, Рязань же погибла в огне нашествия, столица княжества была перенесена в Переяславль-Рязанский, на который перешло и имя Рязань; Бахмет, судя по имени, - мусульманин, Батый - язычник. Все эти сопоставления не позволяют говорить, что в песне имеются ввиду события 1237 г.

В истории русско-татарских взаимоотношений условно можно выделить два больших этапа, первый из которых связан с борьбой за подчинение Руси татарам и существованием монголо-татарского ига, а второй - с обороной независимого Русского государства от набегов ханств-осколков Золотой Орды. Пока Русь находилась в зависимости от ордынцев, их походы были направлены на укрепление власти над завоеванной территорией. Для второго же периода более характерны набеги, в ходе которых захватчики спешат взять все, что они в состоянии унести, а остальное уничтожить. Яркая картина таких набегов рисуется общерусскими летописными сводами и краткими летописцами, житием Павла Обнорского и Соловецким патериком, публицистической Казанской историей и беспристрастными документами. Многие села в то время оказались “пусты, от казанской войны люди побиты, а иные в полон пойманы, а дворов нет и пашни не пашут”; “клети, и дворы, и деревни сожгли казанские люди, а христиан в полон вывели, а иных высекли, да и животину и имущество взяли, а мелкую животину высекли”. Войдя в дом, татары “начинали собирать

каждый топоры и ножи и прочее все, что из железа и меди. И из дверей чеки и пробойи вырвали, и все домашнее имущество собрали и вынесли вон. Отходя, зажгли, окаянные, дворы”. Люди убегали, “не взяв с собой ничего кроме одежды, которую на себе носили”. Пойманных ждала страшная участь. Например, захватив монастырского крестьянина Ивана, татары “начали сечь мечами своими, шею ему перерубили мало что не всю, и внутренности его пронзили мечами своими, насквозь прокалывая, и бросили его нагого на снег”. Только за первую половину XVI в. было совершено 43 крымских и 40 казанских походов, а в первой половине XVII в. в плен было уведено до 200000 человек. В условиях запустения многих русских городов нашествие монголо-татар могло показаться в XVI в. менее разорительным, чем позднейшие набеги. Как писал автор Казанской истории: “И было тогда беды за многие годы от казанцев и черемисов больше, чем при Батые. Батый единожды Русскую землю прошел как молнии стрела. Казанцы же не так губили Русь, никогда из земли русской не выходили; когда с царем своим, когда с воеводами воевали Русь, и посекали как сады русских людей”¹⁵. Рубежом же между двумя этими эпохами стал конец XV - начало XVI вв.

К этому же времени относится и начало внешнеполитической активности турок в Восточной Европе, а их-то повелителем и назван царь Бахмет¹⁶.

Само имя этого царя восходит к тюркской форме имени Махмет, Мухаммет, Магомет. Возможно, Бахмет является адаптацией словосочетания бай (богатый), ахмет (похвальный). Трансформация “м” в “б” встречается и в других русских словах, заимствованных из татарского (напр, мусульманин-басурманин)¹⁷. Имя Магомед в форме Бохмить встречается еще в Повести

временных лет под 986 г.¹⁸ Будучи мусульманским по происхождению, это имя могло устойчиво связываться с врагом лишь после принятия татарами ислама при хане Узбеке. Но особенно популярным оно становится среди турецкой, крымской, казанской, шемаханской и ногайской знати именно на рубеже, XV-XVI вв. Из почти 30 имен, производных от этого имени, зафиксированных в Никоновской летописи, лишь 3 относятся к более раннему времени¹⁹. Показательно, что хан Ахмат, разорвавший Русскую землю в 1472 г., носил имя, близкое песенному имени Бахмет.

Имя города, где происходит действие, может также дать подсказку при определении времени создания песни. События разворачиваются в “Старой Казани-городе подлесной”. По мнению Б.Н. Путилова, это заставляет вспомнить о Старой Рязани, разоренной полчищами Батыя. Однако специально занимавшийся вопросами географии в эпосе М.М. Плисецкий, хотя и приводит примеры замены названий географических пунктов, подчеркивает необычайную устойчивость топонимов в былинах. Название Старая Казань встречается во всех трех вариантах песни и, следовательно, может свидетельствовать о первоначальном присутствии этого имени в тексте. Хотя возможно, что эпитет “старая” использован в песне не как часть названия, а как характеристика древнего города подчеркивающая его старшинство и значение в ряду других городов²⁰, но более вероятно, перед нами состоящий из двух слов топоним. Б.Н. Путилов ошибочно считал, что эпитет “старая” находится в привычном сочетании только с именем Рязани. Но не менее известна и Старая Казань. Оба эти города, и Старая Рязань и Старая Казань, первоначально не имели в своем названии эпитета “Старая”. Должны были пройти

годы, возникнуть новые города с такими же именами, прежде чем за ними утвердился этот эпитет. Таким образом, сами эти названия можно использовать для датировки песни.

Древняя Рязань так и не смогла оправиться от удара полчищ Батыя и около 1301 г. столица Рязанского княжества была перенесена в город Переяславль-Рязанский. Однако на него не сразу перешло название Рязань, и еще в XVII в. он упоминался под своим именем. Но уже в описаниях событий начиная с XV в. летописи расходятся в названии этого города. Например, Владимирский летописец середины XVI в. начинает употреблять название Рязань для новой столицы княжества с 1460 г., Холмогорская летопись с 1494 г.²¹ Часто бывает трудно определить к какому из двух городов или к княжеству в целом относится то или иное упоминание Рязани. Думается, что можно говорить о складывании существующей системы названий (Рязань и Старая Рязань) со второй половины XV в. Но даже сейчас эта система порождает определенную путаницу. Так В.П. Нерознак, не подозревая о перенесении столицы Рязанского княжества, утверждает, что древняя Рязань находится на месте современной, а составители указателя географических названий к 33 тому Полного собрания русских летописей все упоминания о Переяславле-Рязанском отнесли к Переяславлю-Залесскому²².

Проще определить время появления топонима Старая Казань (Иски-Казань). Сам город возник около 1281/1282 г., а определение Старая возникло при перенесении Казани на новое место у Волги в 1399-1401 гг. С этого момента посад Старой Казани постепенно пустеет, а крепость становится местом содержания пленников, в т.ч. и русских²³. Казань названа “подлесной”, что заставляет вспомнить о разделении Среднего Поволжья на луговую и

нагорную или лесную стороны. Это лишний раз убеждает нас в том, что в песне об Авдотье Рязаночке речь идет о Казани, хотя и не противоречит предположению о Рязани как месте действия в песне.

Из сказанного следует, что имя Старая Казань, как и Старая Рязань, не могло появиться ранее XV в. Значит в песне отражено не Батыево нашествие, а более позднее событие. Но оно произошло до завоевания Казани Иваном Грозным в 1552 г., поскольку с тех пор город не подвергался иноземным разорениям.

Несколько странным кажется наименование Казани русским городом до времени ее окончательного подчинения Московскому царству в 1552 г. В песне также сообщается о выводе из Казани русского полона, а в одном из вариантов песни прямо говорится, что Бахмет турецкий, действуя против Казани, "воевал... землю Российскую". Однако в истории города до середины XVI в. был период, когда Казань находилась в зависимости от русских великих князей. Это время - от взятия города Иваном III в 1487 г. до утверждения на казанском престоле крымского царевича Сахиб-Гирея в 1521 г. Власть Ивана III над Казанью проявилась в участии казанских татар во всех военных предприятиях Московского государства и зафиксирована в титулатуре великого князя²⁴. В спорах с турецкой стороной русские дипломаты упорно отстаивали традиционное право великого князя ставить на казанский престол хана по своей воле²⁵.

Именно на середину этого периода приходится событие, с которым, как кажется, возможно связать песню об Авдотье Рязаночке. Это разгром посольства Михаила Кляпика в Казани. Не отмеченное в большинстве современных учебников, оно оставило большой след в сознании XVI в., нашло отражение в нескольких

десятках летописных сводов и кратких летописцев. Это событие произвело большое впечатление потому, что одновременно с послом в Казани находился русский торг и “было много людей из всех городов Московского государства, а такова крестьянская кровь не бывала как и Казань стала”²⁶.

Царь казанский, поставленный великим князем на место своего брата Аблетеима (Абдул-Летифа), в 1502 г. расправился со сторонниками своего сюзерена, “на великого князя гнев держа”. В 1505 г. он решил воспользоваться династическим кризисом и прислал Ивану III князя городского Шаинсифа с грамотой “о неких делах”. Холмогорская летопись уточняет характер этих дел. Казанский царь писал: “Аз еси целовал роту за великого князя Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дни живота нашего, и не хочю быти за великим князем Васильем Ивановичем...” Пользуясь случаем хан спешил выйти из зависимого положения, отказывался признать нового наследника. “А яз... не рек ся быти за великим князем Васильем Ивановичем, ни роты еси пил, ни быти с ним не хочю”, - гласила грамота казанского хана. Обеспокоенный этой претензией на самостоятельность Иван III “по своему крепкому слову” направил в Казань посольство Михаила Кляпика с наказом, “чтобы он тем речам не потокал”. Вместе с послом в городе оказалось множество русских купцов. 24 июня на праздник рождества Иоанна Предтечи по приказу казанского царя Михаил Кляпик был арестован, а купцы частью перебиты, частью проданы в рабство в Ногаи и в Астрахань; товары конфискованы. “А которые люди убежали на Волгу, а тех побил черемиса на дорозе, а иных в избу насажав да зожгли и много зла сотворили Руси”. Те немногие “бегли кои” вернулись домой “нагими душой и телом”. Всего в тот день

пострадало в Казани много гостей русских, более 15000. Эти события произвели большое впечатление на современников и стали прообразом картины разорения русского города в песне.

Во всех ее вариантах подчеркивается, что массовый увод в полон русских людей ударил по верхним слоям общества. В одном из вариантов этой песни указывается, что царь Бахмет в Казани “князей-бояр всех вырубил, да и княгинь боярыней в полон побрал”, а в двух других Авдотья Рязаночка, прося за своих родственников, подчеркивает свое положение: “Я в Казани то была женка не последняя, не последняя я была женка, первая”, “не последняя ведь была женка –первая”²⁷. С другой стороны нигде не говорится о присутствии в городе государя, что немыслимо при разгроме столицы самостоятельного Рязанского княжества. Во время же разгрома посольства удар как раз пришелся по находившимся в его составе знати и купечеству, а не по рядовому населению, которое не принимало участия в миссии. Отсутствие великого князя в составе посольства тоже вполне естественно.

Разгромом русского посольства в 1505 г. руководил казанский хан Мухамед-Эмин, который и является прообразом песенного царя Бахмета. То, что он назван турецким царем может иметь несколько объяснений. Во-первых, сами законы жанра требуют, чтобы враг, разоряющий русский город, прибыл извне, а не был мятежником-сепаратистом, и прежде проживавшим в Казани. Во-вторых, в этом герое песни сказывается влияние образа турецкого царя Магмет-салтана из Повести о взятии Цареграда турками в 1453 г. Нестора Искандера и сочинений Ивана Пересветова. В-третьих, с 1524 г. Казань признала себя юртом турецкого султана.

Заставы из больших рек, диких зверей и разбойников, которые царь Бахмет оставил на пути героини, напоминают ту обстановку,

которая сложилась в степях Восточной Европы в первой половине XVI в. Эти преграды отделили пленников от дома. И в этом судьба купцов, торговавших в Казани, оказывается схожей с ситуацией в песне. Они были “проданы в Орду”, “сосланы в Астрахань и в Ногаи”, а один из участников посольства, Иван Брюхо Верещагин, сын Блеклого, оказался в Чегодае. Места, где томились полоняники, были отделены от России степями с их тревожной и нестабильной обстановкой.

Находится прототип и для Авдотьи Рязаночки - дочь Ивана III Евдокия, имевшая прямое отношение к событиям в Казани. После начала конфликта в Москву прибывает брат Мухамед-Эмина - царевич Куйдакул, который, приняв крещение под именем Петра, женился на Евдокии. В условиях обострившихся отношений с Казанью Москва выдвигает Петра в качестве претендента на казанский престол. Оставаясь какое-то время бездетным. Василий III собирался передать и московский престол своему шурину. Породнившись с великим князем, Петр, возможно, принял участие в ответном походе на Казань, и не случайно казанцы преследовали именно ту часть войска, при которой находился царевич. Правда, А.А. Зимин считал, что в походе принял участие не Петр, а один из касимовских царевичей, преследование же его отряда исследователь объяснял тем, что остальное войско отступило по Волге на судах.

Поход русского войска на Казань закончился неудачей, однако, понимая временный характер своих успехов и опасаясь нового претендента на казанский престол, Мухамет-Эмин бил челом великому князю. Дальнейшие дипломатические переговоры привели к возвращению уцелевших участников посольства на родину. Мирный характер освобождения полоняников подчеркивается и песней, в которой отсутствуют описания каких-

либо приключений Авдотьи Рязаночки при путешествии к Бахмету и подчеркнуто возвращение полона в результате правильных ответов на загадки царя. Очевидно, неудача похода русских воевод на Казань выдвинула в народном сознании на первое место дипломатические действия московского правительства, среди которых особое место принадлежит заключению брака княгини Евдокии и царевича Петра.

Но образ Авдотьи собирательный. В ней узнаются черты и других современниц Евдокии: ее сестры великой княгини Анны Рязанской, свидетельницы антитатарского чуда 1521 г. Евдокии Коломянки, ведуньи при дворе великого князя по прозвищу Рязаночка.

Неожиданно находит подтверждение и свидетельство песни об убиении брата царя Бахмета. После разгрома русского посольства Мухамет-Эмин предпринял поход против Нижнего Новгорода, что могло быть воспринято как продолжение казанского дела. Однако, простояв два дня под его стенами, казанцы отступили “ничтоже не успев”. Одна из нижегородских легенд приписывает это меткому выстрелу из пушки, установленной на Ивановской башне. Ядро сбilo шатер и поразило ногайского хана. Впоследствии на этом месте была воздвигнута Ильинская церковь²⁸. Действительно, “огненным стрельцам” удалось поразить шурина Мухамет-Эмина, ногайского мурзу, а вспыхнувшая затем распря между казанцами и ногайцами заставила снять осаду²⁹.

Сведения о восстановлении Казани позволяют уточнить время создания песни, которая могла сложиться после возрождения в этом городе русского торгога в 1507 г. и до перенесения торгога в Нижний Новгород в 1522 г.

Подводя итог сказанному, следует признать, что песня об Авдотье Рязаночке посвящена событиям посольства 1505 г. в Казань, имевшим большое значение в русско-казанских отношениях и получившим широкий отклик в общественном сознании первой половины XVI в.³⁰ Песня об Авдотье Рязаночке является еще одним свидетельством особого внимания к этому событию, положившему начало череде русско-казанских войн. Разорение русского торгового города превратилось в завоевание русского города, а династический брак Петра и Евдокии и последующие переговоры с Казанью - в хождение Авдотьи Рязаночки к царю Бахмету. Вместе с тем следует подчеркнуть, что многие детали песни необычайно точны. Создание этого памятника фольклора произошло вскоре после описываемых в нем событий, но он продолжал исполняться и спустя почти 400 лет. Однако район распространения этой песни в XIX в. был уже невелик - окрестности Кенозера. Редкость записей песни об Авдотье Рязаночке подтверждает ее древность, поскольку уникальный сюжет о выводе людей из плена с согласия вражеского царя не мог попасть сюда из других произведений устного народного творчества, а события 1505 г. были заслонены в исторической памяти потомков взятием Казани Иваном Грозным и набегами крымских татар. Интересно, что спустя столетия после ее создания, песня сохранила характерный для XVI в. взгляд на татар как на грозного, коварного, но справедливого и не лишенного человеческих чувств противника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹. Русское народное поэтическое творчество: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X - начала XVIII веков. М.; Л., 1953. С. 267-288; Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952. С. 32-90.

². Азбелев С.Н. Русские исторические песни и баллады // Исторические песни. Баллады. М., 1986. С. 6-9.

³. Путилов Б.Н. Русский историко-песенный фольклор XIII-XVI веков. Л., 1960. С. 45; Песня об Авдотье Рязаночке (К истории Рязанского песенного цикла) // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 163-168; Шамбинаго С.К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 292-302; Шамбинаго С.К. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914.

4. Самарин Г. Патриотическая тема в песенном творчестве русского народа. Фрунзе, 1946.

5. Емельянов Л.И. Исторические песни // Русские исторические песни. Л., 1987. С. 19-23.

6. Соколов Ю.М. Русский фольклор. / Учебник для вузов. М., 1938. С. 17; Соколова В.К. Русские исторические песни XVI-XVIII вв. // Труды Института Этнографии. М., 1960. Т. 61. С. 262.

7. Зимин А.А. Песня о Щелкане и возникновение жанра исторической песни // История СССР. 1963. № 3. С. 36-52; Сидельников А.Д. Песня о Щелкане и близкие к ней по происхождению // Художественный фольклор. М., 1929. Т. IV-V. С. 98-100.

8. Исторические песни. / Вступ. статья, подгот. текстов и прим. В.И.Чичерова. Л., 1956. С. 41-45.

9. Емельянов Л.И. Исторические песни // Русские исторические песни. Л., 1987. С. 9,19-21.

10.Игнатов В. И. Русские исторические песни. Хрестоматия. М., 1970. С. 9; Исторические песни XIII-XVI веков. / Изд. подгот. Б.Н. Путилов и В.М. Добровольский. М.; Л., 1960. С. 47-52.

11.Путилов Б.Н. Русский историко-песенный фольклор XIII-XVI веков. Л., 1960. С. 54-74; Песня об Авдотье Рязаночке (К истории Рязанского песенного цикла)

// ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 163-168; Исторические песни XIII-XVI веков С. 47-52.

12.Лихачев Д.С. Повесть о Николе Заразском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. VII. С. 257-406; Кузьмин А.Г. Летописные известия о разорении Рязани Батыем // Вести. МГУ. Серия IX, история 1963. № 2; Зимин А. А. Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии // ТОДРЛ. Т. XIV. М.; Л., 1958. С. 229-233.

13. Исторические песни XIII-XVI веков. С. 47-52.

14.Пользуясь случаем, благодарю П.А.Бороздину за указание на это произведение.

15.Каргалов В.В. На степной границе. Оборона “крымской украины” Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974. С. 118-124, 149; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.

16.Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. М., 1948. Кн. 27. С. 18-66; Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М. 1952; Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVI вв. М., 1963; Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе

международных отношений конец XV - начало XVI вв. М., 1980. С. 169-175.

17.Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. С. 68-69; Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 100-101.

18.Повесть временных лет. М.; Л., 1951. Ч. 1. С. 73.

19.ПСРЛ. Т. XIV., ч. 2. М., 1965. С. 13-14, 17, 91-92.

20.Плисецкий М.М. Историзм русских былин. М., 1962. С. 166-192; Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958.

21.ПСРЛ. Т. XXX. М.; Л., 1965; Т. XXXIII. М.; Л., 1977. С. 128.

22.Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 151-152; ПСРЛ. Т. XXXIII. М.; Л., 1977. С. 246.

23.Фахрутдинов Р. Г. Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) // Советская археология. 1984. № 4. С. 90-108.

24.ПСРЛ. Т. XXVIII. М.; Л., 1959. С. 286.

25.Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVI вв. М., 1963. С. 247.

26.При описании расправы с посольством мы опираемся на сообщения русских летописей: ПСРЛ. Т. XII. 1965; Т. XXI. ч. 2; Т. XXIII. С. 179; Т. XXVI. М.; Л., 1959. С. 297; Т. XXVIII. М.; Л., 1959. С. 388; Т. XXX. М.; Л., 1965. С. 124; Т. XXXI. М.; Л., 1968. С. 259; Т. XXXIII. М.; Л., 1977. С. 134; Т. XXXVII. Л., 1982. С. 52, 99, 173; Казанская история. М.; Л., 1954. С. 60-61; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 147; Кунцевич Г.З. История о казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 601-606; Русские летописи. Т. 3. Рязань, 1998. С. 323; Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники; 1980 год. М.,

1981. С. 233; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 257-271; см. также: Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1982. С. 68-69, 75-78.

27. Исторические песни XIII-XVI веков. С. 48, 52.

28. Нижегородские предания и легенды. Горький, 1971. С. 38-41.

29. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1982. С. 69.

30. Амелькин А.О. О ком плачет часовой? // Живая старина. 1996. № 2. С. 29-30.

О ком плачет часовой ?

Исследователям русского фольклора давно известна песня “Часовой плачет у гроба государя”. В академическом издании исторических песен опубликовано более четырех десятков ее записей. В пяти из них умерший государь не назван по имени, в девяти - стоит имя Ивана Васильевича Грозного, а в семнадцати - оплакивается Петр Алексеевич. Еще в двенадцати песнях часовой обращается к скончавшейся императрице Екатерине Алексеевне. Известна песня и с именем царя Алексея Михайловича ¹. По разному звучат и жалобы часового, стоящего у гроба покойного государя.

Большое количество различных версий этой песни объясняется универсальностью ее построения. Сюжет песни прост: часовой (в различных записях это молодой солдат, сержант, казак и т. п.) стоит в карауле, плачет и призывает стихии разметать могилу, а самого покойного государя встать из гроба и взглянуть на происходящее вокруг. Далее следуют либо жалобы на ухудшившееся положение войск, разгром армии, либо сообщение о ее готовности выступить в поход.

Заменяя в песне конкретные детали, имена и причитания, исполнитель мог обновлять содержание песни, делать его более актуальным для слушателей в новой исторической обстановке. Но перед нами не несколько самостоятельных, сложившихся на основе традиционных плачей, песен, а варианты одного произведения, претерпевшего в течении времени значительные изменения. Об этом свидетельствуют достаточная устойчивость тем плача и причитаний и легкость соединения большинства этих тем с различными именами

усопшего государя.

Чье же имя первоначально стояло в текстах песни? И о чем жаловался умершему парю часовой?

Хотя фольклорный памятник отличается от литературного произведения отсутствием зафиксированного текста², нельзя отрицать стремление памятников устного народного творчества к сохранению устойчивого текста. Хотя исполнитель мог, в зависимости от настроения слушателей, вносить изменения в песню, в его сознании, так или иначе, существовало представление о том, какой она должна быть. Естественно, певец чаще стремился воспроизводить песню так, как он сам ее услышал и запомнил. Каждое же изменение конкретно-исторического наполнения совершалось единожды и потом могло закрепиться в народной памяти на ряду с первоначальной версией. При этом у исследователей возникает возможность, выстроив типологический ряд устойчивых сочетаний имен и исторических деталей, восстановить первоначальный вид песни.

Для того, чтобы ответить на вопрос о ранней версии песни “Часовой плачет у гроба государя”, необходимо рассмотреть жалобы и причитания часового, поскольку именно в них и раскрывается основная идея песни. От характера жалоб зависит имя умершего государя, к которому обращается часовой. Рассмотрим же их все, безотносительно имен почивших правителей, упоминаемых в песне.

Среди жалоб часового можно выделить три типа обращений к государю. Почти во всех случаях, за исключением одного, он просит умершего взглянуть на свое войско и, в одной случае сообщает о бедах, обрушившихся на

воинов в отсутствии паря, в другом - описывает ожидающуюся его армии, в третьем - говорит о выступлении рати в поход. Причем, в перечне бед могут присутствовать и стрижка бород, и рассылка солдат одного полка во всей армии, и разгром и пленение войск (иногда в результате измены), и нехватку провианта и обмундирования, и бестолковость и строгость командиров, и обессиленность из-за потери государя.

Совместно с первым типом жалоб встречаются все варианты имен умершего государя, о ожидающейся его армии сообщают только Петру I, а об отправлении армии в поход поют, вспоминая Ивана Грозного, Петра I и Екатерину II. определить время появления того или иного варианта жалоб можно не по сопровождающему его имени государя, правившего ранее остальных упомянутых в песне царей, а проследив влияние одного типа плача на другой.

Наибольшим разнообразием отличаются песни с жалобами на ухудшившееся положение войск, что свидетельствует о неустойчивости этой версии, подвергавшейся постоянным попыткам актуализировать ее. Причем если Екатерине жалуются на порядки, установившиеся при Павле I (ИП XVIII. №№ 536-537), Петру I солдат сообщает об отсутствии продовольствия и обмундирования (ИП XVIII. №№ 253, 256), разгроме армии (ИП XVIII. №№ 254, 255), бироновщине (ИП XVIII. № 259), то в песнях про Ивана Грозного царю как о бедствии говорят о преобразованиях самого Петра:

Посмотри на свою армейошку.

Стоит не по-старому, стоит не по-прежнему,

Уж усы-то, бородушки повыбриты,
Кудри длинные пообстрижены.

(ИП XVIII. № 258)

На основании этого можно предположить, что первоначально в песне упоминалось имя Ивана Грозного, поскольку было бы не естественным помещать в песню, где царь Петр выступал как защитник от обрушившихся бед, жалобы на его же действия. Да и потомки к деятельности этого великого реформатора относились несколько лучше, чем современники, что делает предположение о позднем появлении жалоб на Петра неубедительным.

Скорее всего все версии песни с жалобами на ухудшившееся положение армии первоначально были связаны с именем Ивана Грозного. Причем песня с жалобой на бритье бород появилась из песни, где Ивану Грозному сообщается о разгроме его войск:

Эх да, твоя силушка (...)

Эх, и в полону стоит (...)

Эх, да, под неверною (...)

Эх да, под скверною.

(ИП XVIII. № 283)

Очевидно, противник петровских реформ отождествил его преобразования со скверною, упоминаемою в песне. Не случайно все записи этой версии песни были сделаны у гребенских казаков, среди которых было много сторонников старообрядчества. Постепенно казаки забыли имя государя, и уже во второй половине XIX в. появилась версия с обращением к безымянному царю. Особое распространение она получила в советское время ³.

Другие жалобы на неурядицы в русской армии, наступавшие после смерти Петра I или Екатерины II, также сложились из плача о поражении русских войск. Во всякое случае, связь внутренних беспорядков (измены генералов) и плена армии, иноземной власти и гибели войск присутствует в песнях о кончине Петра I (ИП XVIII. №№ 254, 259). Как отголосок какого-то поражения звучат и обращения к Екатерине II:

Без тебя нам жизнь похужела (...)
От твою сына любимого (...)
Стал он случать иноземщину,
Иноземщину неверную,
Немчуру ли некрещеную,
Ведет службу чужеземную,
Гонит силушку в Туретчину,
Во лихую во Неметчину,
Мрет там сила православная,
Что от холода, от голода.

(ИП XVIII. № 536)

Скорее всего версия песни с жалобами на пленение войск родилась из песни о походе с трагическими результатами, а не наоборот. Поэтому мы вправе предположить, что версии песни о походе связанные с именами Ивана Грозного и Петра I более ранние, чем все остальные версии. Отзвук плача о выступлении армии в поход без царя слышны и в жалобах на Павла I его матери Екатерине II. Поход присутствует в призыве, помещенном в песне с жалобой на Бирона (ИП XVIII. № 259).

Из песни с пророчествами о смерти царя накануне похода

родились и версии об ожидании войском своего государя и жалобы на осиротелость армии без паря:

Без тебя мы осиротели,
А осиротев, обессилили.

(ИП XVIII. № 257)

Как же соотносятся имена государей и различные варианты плачей часового? Наиболее ранний тип причитания - плач о выступлении войска в поход без государя, - сопровождается обычно именами Ивана, Петра и Екатерины. Из них первым в песне появилось имя Ивана Грозного. Этот вывод мы делаем вовсе не потому, что этот государь правил на два столетия раньше других, упоминаемых в песне. Просто из всех записей песни с его именем две трети содержат интересующий нас ранний тип причитаний. В то же время песни с именами Петра I и Екатерины II говорят о выступлениях войска в поход лишь в каждом шестом случае, т.е. налицо угасание этой традиции.

Важно и то, что во всех записях песни про Ивана Грозного в качестве конечного пункта названа Казань. В то же время песни про Петра I либо не называют точное направление похода, либо говорят о нем по-разному:

Твой любимый полк во поход пошел
Под Азов город.

(ИП XVIII. № 247)

Твой любимый полк
Во поход пошел во ину землю.

(ИП XVIII. № 250)

Такое разнообразие говорит о позднейшем появлении имени Петра I в этой версии песни, когда уже стало

постепенно забываться первоначальное направление похода.

Вторичность версий с именем Петра видна и в записях песни с жалобами на ухудшившееся положение войск, поскольку песня во славу Петра Великого не могла быть использована его противников для порицания царя-реформатора, а одна из версий песни содержат жалобу на начавшееся при Петре I бритье бород (т.е. царю жалуются на него самого). О более позднем появлении песен с обращением к Петру I говорит и большое разнообразие верей с его именем, что может быть свидетельством многократных попыток ее актуализации.

Из множества версий с именем Петра I, очевидно, первой была также песня про выступление войск в поход. Но кроме нового имени в ее текст было добавлено вступление с обращением и месяцу:

Ох ты батюшка светел месяц!
Что ты светишь не по старосту,
Не по старому, не по прежнему?
Ты все прячешься за облака,
Прикрываешься тучей темною?
(ИП XVIII. № 250)

Это вступление попало и в те версии песни, которые произошли непосредственно из версии, рассказывающей о выступлении армии в поход. Все они связаны только с именем Петра I, и в них говорится об ожидании войсками своего государя и их осиротелости без паря:

И ты встань, проснись, православный царь,
Посмотри, сударь, на свою гвардию,
Посмотри на всю армию.

Уже все полки во строю стоят,
Все полковники - при своих полках,
Подполковники на своих местах,
Все майоры - на добрых конях
Капитаны - перед ротами,
Офицеры - перед взводами,
А прапорщики - под знаменами.
Дожидаются они полковника,
Что полковника преображенного,
Капитана бомбандирского.

(ИП XVIII. № 240)

Без тебя мы осиротели,
А осиротев, сокрушаемся.

(ИП XVIII. № 249)

Из последней версии мог родиться и плач часового, призывающего царя Алексея Михайловича взглянуть на его осиротелое семейство. Вторичность этого плача по отношению к песням с именем Петра доказывается тем, что среди родственников на первый план выдвинут Петр I, в момент смерти своего отца имевший наименьшие права на престол. Лишь после того, как Петр Великий прославил свое имя, могла родиться песня, где Алексей Михайлович выступает прежде всего в роли его отца.

Многочисленные плачи-жалобы, обращенные к Петру I, отличаются большим разнообразием. Среди них хочется отметить жалобу на Бирона:

Что не царь нами теперь властвует,
И не русской князь отдает приказ,

А командует, потешается
Злой тиран Бирон из Неметчины.
Поведи ты нас в Прусски области,
Мы научим их уму-разуму.
(ИП XVIII. № 259).

Эта песня едва ли могла появиться до 1740 г., т.е. до падения Бирона. Более того, в ней отчетливо слышны отголоски Семилетней войны (1756-1762), единственной войны между Россией и Пруссией. Можно высказать и несколько предположений о происхождении песни. Бироновщина как негативное явление в истории России было осознано в дворянской среде ⁴. На некоторое знакомство с книжной культурой указывает употребленное авторов слово “тиран”, не характерное для простонародной речи. Скорее всего автором этой версии был человек более знакомый с дворянской культурой, чем многие другие исполнители народных песен.

Особый интерес представляют песни, связываемые с именем Екатерины II. В сборнике “Исторические песни XVIII века” их опубликовано 12. Все займем этих песен можно разделить на две группы. В первой, очень немногочисленной, молодой солдат жалуется на то, что государь Павел Петрович “гонит силушку в Туретчину, во лихую во неметчину” (ИП XVIII. № 536), “он загнал силу в Туретчину” (ИП XVIII. № 537), где ее “поморил смертью голодною, познобил зимою холодною” (ИП XVIII. № 537), “мрет там сила православная, что от ходода. от холода” (ИП XVIII. № 536). В этих песнях можно услышать намек на грандиозные, но в целом неудачные или незавершенные походы русских войск в

Швейцарию и Индию. Песни развивают тему жалоб на поражение и общее неустройство армии. Родилась эта версия, скорее всего, из песни передающей жалобы солдат Петру I.

Более интересна вторая группа песен. В них жалоба уже исходит не от одного человека, а от нескольких добрых молодцев. Местом их плача чаще всего выступает Петропавловская крепость, куда посажены молодцы. В тех же случаях, когда санкт-петербургская цитадель не упомянута в песне, вместо нее называются либо Московский Кремль, либо казенная тюрьма в Москве. Но даже здесь исполнители упоминают “крепкий Питер” или петербургское происхождение арестантов. Интересно, что и сама Петропавловская крепость иногда помещается в Москву. Следовательно определение Петропавловской крепости как места плача вовсе не случайно для этой группы песен.

Важным для понимания содержания песни представляется и упоминание Семеновского полка, судьба которого особенно волнует плакальщиков. В одном случае вместо названия полка, говорится, что жалующиеся - гвардейцы петербургские.

Для определения события, послужившего основой для данной переработки песни, необходимо обратить внимание на жалобы о разводе “по солдатику” Семеновского полка “по армии”, “по полкам”.

О.Б. Алексеева и Л.И. Емельянов считали это очевидным намеком на начавшееся еще при Петре III расформирование гренадерских полков⁵. Однако, учитывая, что жалобы звучат в казематах Петропавловской крепости, едва ли справедливо видеть здесь отголосок обычной реорганизации армии.

Единственный случай столь жестокой расправы с гвардейским полком имел место в 1820 г., когда после восстания в Семеновском полку, все солдаты были сначала заключены в Петропавловскую крепость, а потом разосланы по окраинным частям Российской империи ⁶. Сопоставление событий в песни и в жизни напрашивается само собой. И там, и тут действие происходит в Семеновском полку, и там, и тут жизнь солдат становится тяжелой из-за действий командования, и там, и тут солдат подвергают заключению, а потом рассылают по армии. Следовательно эта группа песен с обращением к Екатерине II не могла быть составлена ранее 1821 г.

Это делает ее очень интересным источником по истории народного сознания первой четверти XIX в., поскольку в ней отразился взгляд простого народа на “семеновскую историю”. Для исполнителей этой версии песни важным было массовое выступление солдат, как подтверждение их правоты. Не случайно плач звучит из уст не одного часового, а нескольких заключенных. Причины бедственного положения полка так же достаточно емко охарактеризованы в песне: “все начальнички стали грозные, офицеры все бестолковые” (ИП XVIII. № 542), “караулы стали частые, перемены стали редкие, а начальство пошло строгое” (ИП XVIII. № 541). По мнению исполнителей излишняя строгость и бестолковость командования привели к выступлению. Причем простой народ не считал происшедшее восстанием. О нем ни чего не говорится в песне, да и сама песня воспринималась как плач по поводу несправедливого, но неизбежного наказания. Не случайно, что в XX в. с его идеями революционной борьбы не было сделано ни одной

записи этой версии.

В результате проверенного выше рассмотрения нескольких десятков записей песни “Часовой плачет у гроба государя” можно сказать, что первоначально она была связана с именем Ивана Грозного и содержала сведения о каком-то не очень удачном походе под Казань. В дальнейшем эта версии подвергалась неоднократным переделкам, вызванным попытками ее актуализации.

Какое же событие легло в основу песни? Ведь Казань, как известно, была взята самим Иваном Грозным в 1552 г. задолго до его кончины. Представляется весьма обоснованным предположение С.Н. Азбелева, утверждающего, что в песне отражены события 1505 г.⁷ Тогда государь всея Руси Иван III, который имел отчество Васильевич и в некоторых источниках назывался Грозным, умер накануне похода русской рати на взбунтовавшуюся Казань. Поход был не очень удачный, да и в ходе мятежа в Казани погибло много русских людей. Так что плач и жалобы государю могли оказаться в песне вполне уместными. Сходство имен и прозвищ деда и внука привело к их отождествлению в народном сознании. Не случайно одна из записей песни продолжена песней о взятии Казани Иваном IV (ИП XVIII. № 284).

Когда же родилась эта песня? Скорее всего временем ее создания был XVI в., но тогда она еще не получила широкого распространения. Во всяком случае вступившие в тесный контакт с Иваном Грозным гребенские казаки в середине XVI в. ее еще не знали, а получили ее позже - в начале XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исторические песни XIII-XVI веков. - М.; Л., 1960. - С. 472-478, 669-670. № 278-285 (далее ИП XVI); Исторические песни XVII века. - Л., 1966. - С. 146-147. № 138 (далее ИП XVII); Исторические песни XVIII в. - Л., 1971. - С. 147-157, 285-290, 312-313, 336. - №№ 240-259, 536-547 (далее ИП XVIII).

² Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. - Л.: Наука, 1982.

³ То, что среди гребенских казаков бытует только одна версия этой песни, говорит о ее появлении на Северном Кавказе в очень короткий промежуток времени, единожды, и очень скорой, почти совпадающей со временем проникновения, переработке этой песни. Упоминание в ней петровских преобразований позволяет датировать эту версию самым концом XVII-началом XVIII в. Тогда многие противники петровских реформ бежали из России на Юг. Бежали с Дона после восстания К. Булавина, бежали некрасовцы. Но более вероятно получение этой песни от беглецов из Астрахани. Во первых, Астрахань ближе к станинам гребенских казаков, чем Дон. Во вторых, астраханское восстание проходило под знаменем неприятия петровских реформ, чего нельзя сказать про восстание К. Булавина. В третьих, в Поволжье сделано несколько записей интересующей нас песни, а в Подонье - нет. В какой-то степени можно и датировать время появления первоначальной версии песни. В конце XV в., когда образовывалось гребенское казачество, ее еще не было, поскольку казаки не

знают сейчас первоначального варианта песни, а все ее записи отличаются единообразием (признак позднейшей переделки одной версии песни). Не было ее и в середине XVI в., когда Иван Грозный пожаловал гребенских казаков землями вдоль Терека.

⁴. Анисимов Е.В. Россия без Петра. - СПб., 1994.

⁵. ИП XVIII. – С. 336.

⁶. Лапин Вл. Семеновская история. - Л., 1991.

⁷. Азбелев С.Н. Грозный царь Иван Васильевич // Родная речь. 1991. - № 5. – С. 123-129.

**Слышал ли Иван Грозный песню
“Набег крымского царя”?
(К вопросу о времени создания песни)**

События “Смутного времени” привлекли внимание многих людей в Западной Европе. Следствием этого стал возросший интерес к России, причем не только к ее военной мощи, общественному устройству и хозяйственной жизни, но также к нравам и обычаям ее народов. Отражением этого стали записи русских песен, сделанные Ричарда Джеймса.

По окончании Смуты, в связи с развернувшимися мирными переговорами, в Россию прибило английское посольство Джона Мерики, в его составе в качестве священника находился известный филолог Ричард Джемс. По его просьбе в 1619-1620 гг. было сделано несколько записей народных песен. В 1852 г. эти записи были опубликованы в Известиях Академии Наук и с тех пор неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. Ф.И. Буслаев считал, что песни, записанные для Ричарда Джеймса, - лучшие русские исторические песни XVII века.

Последняя из этих песен (шестая) говорит о том, как, идущий походом на Русь, Крымский царь предложил заранее разделить между своими приближенными русские города, и Диви-Мурза, сын Уланович взялся за выполнение этого задания, но внезапно раздавшийся глас с небес обратил татар в бегство ¹.

Все исследователи, когда-либо занимавшиеся этой песней, обычно связывается ее с эпохой Ивана Грозного, считая, что исторической основой для нее послужили события

1572 г. Основанием для этого им служило упоминание Диви-Мурзы, сына Улановича, отождествляемого с крымским полководцем Дивей-Мурзой. Исследователи считают, что событием, легшим в основу песни, был набег на Москву Девлет-Гирея в 1572 г., закончившийся разгромом крымских войск в битве при Молодах и пленением этого видного татарского полководца. Эта датировка была закреплена в академическом издании исторических песен XIII-XVI вв. и в хрестоматиях по русскому фольклору. Свидетельством широкого распространения подобной датировки является то, что в фильме “Иван Васильевич меняет профессию”, снятом режиссером Гайдаем в 1972 г., певчие пытаются исполнять эту песню в присутствии “Грозного царя”.

Однако такая датировка песни кажется не совсем точной. Во-первых, в ней действуют не один, а два персонажа с этим именем – вельможа, взявшийся делить русские города, и его отец. Причем это имя выступает в песне не как личное имя, а как обозначение знатного татарского полководца, поскольку герой носит имя, полностью повторяющее имя отца, в то время как по логике вещей он должен зваться не Улановичем, а Дивеевичем.

Со знаменитым полководцем может быть отождествлен только отец главного героя песни Диви-Мурзы, сына Улановича, также названный Диви-Мурза, сын Уланович, о котором в песне сказано, что он погребен в Новгороде. Новгород в XVI в. был известным местом ссылки пленных татар, и, поэтому более серьезным было бы сопоставление с пленным крымским полководцем именно отца героя песни.

То, что Днви-Мурза, сын Уланович упомянут в песне уже умершим и погребенным, говорит о том, что действие в песне развивается на одно поколение позже нашествия 1572 года.

Значит речь идет об ином событии. Следующим же после похода Девлет-Гирея набегом крымских татар на Москву стало нападение Казы-Гирея летом 1591 г. Среди множества грабительских набегов крымских и казанских татар в XVI-XVII вв. это событие выделяет то, что оно стало последним, угрожавшим непосредственно столице Русского государства ².

Как и в песне, это нашествие было отражено без активных действий русских ратей. 10 июня 1591 г. сторожевые станицы донесли *“с поля”* о движении крымского войска к русской границе. 4 июля хан Казы-Гирей занял подмосковное село Котлы. Навстречу ему были выдвинуты передовые дворянские сотни. Начались ожесточенные стычки, продолжавшиеся до ночи. Хотя *“бой был ровно”* и не принес ни одной из старой решающего успеха, *“царь крымской ... на премое дело не пошел и полков своих не объявил, а стоял на Котле в оврагах в крепостях”*. Русские же воеводы *“стояли в обозе готовы, ... ждали самого крымского царя с его полками, хотели к нему тогда выттить из обозу на премое дело”*. Под утро (за час до рассвета) в русском лагере произошел *“всполох великий”*. Опасаясь нападения, русские пушкари открыли огонь из всех орудий. Канонаду поддержали пушки городских укреплений. Для выяснения обстановки русскими воеводами было выслано на разведку 1000 человек. *“Великий тресковенный гром”* внезапно начавшейся канонады и известие о приближении русского отряда, вызвал панику в

стане татар, которые “бежаху и друг друга топтаху”. Хотя “травля” 4 июля была не более чем пробой сил, Борис Годунов оценил это событие как военную победу ³. Поспешное отступление огромного войска из-за случайного происшествия казалось современникам столь странным и загадочным, что общественное мнение объяснило случившееся заступничеством Богоматери – чудом, случившимся от ее Донского образа. В благодарность за это на месте, где стояли русские полки и находилась ее икона, в том же году был основан Донской монастырь, обзаведшийся в 1593 г. первыми каменными постройками.

В песне крымский царь так же бежит, даже не вступив в боевое соприкосновение с русскими полками, “не путем еси - не дорогою”, потому, что “прокличет с небес Господен глас”. Мотив участия Небесных Сил в разгроме татар - необычен для фольклора, что позволяет предположить отражение в песне именно событий 1591 г. с их случайно и внезапно одержанной победой.

Дополнительным доводом в пользу приурочивания песни “Набег крымского царя” к событиям 1591 г. может служить то, что в отличии от других городов Москва названа каменной. Такое ее выделение стало реальным только после 1589 г., когда в столице завершилась постройка основных укреплений Белого города.

Каменное зодчество никогда не прерывалось на Руси, но удельный вес его памятников был незначителен среди основной массы деревянных городских построек. Поэтому, говоря о каменном городе, древние сказители имели в виду крепостные стены, создававшие ему определенный облик.

Первые каменные укрепления Кремля появились еще при Дмитрии Донском. При Иване III и Василии III шло сооружение новых стен и башен Московского Кремля, а в первые годы великого княжения Ивана Грозного были возведены укрепления Китай-города. Однако ко второй половине XVI в. они уже не прикрывали большую часть разросшейся столицы и не были видны из-за деревянных построек московского посада. К тому же в первой половине XVI в. Московский Кремль и Китай-город не были единственными сооружениями мастеров каменного зодчества. Кроме них были построены каменные крепости в Ивангороде, Нижнем Новгороде, Новгороде, Туле, Коломне и Зарайске, ничуть не уступавший по своим размерам столичным постройкам.

Примерно равные объемы работ при возведении стен и башен в Китай-городе, Туле, Коломне и Зарайске не позволяют выделить именно Москву как каменный город. Ситуация меняется с сооружением в столице в 1585-1593 гг. Белого города. Третье кольцо укреплений, проходило по линии современного Бульварного кольца. Основная часть московских дворов оказалась за его стенами, протяженность которых города составляла 9 километров. Это намного превосходило размер всех остальных русских крепостей, что резко выделило Москву среди других городов. Упоминание каменных укреплений, построенных незадолго до набега Казы-Гирея и возобновленных вскоре после этого нападения (в 1593 г.), было весьма актуально в песне о походе 1591 г.

Таким образом песня “Набег крымского царя”, связанная с событиями 1591 г. и содержащая лишь припоминания (в

словах о судьбе Диви-Мурзы-отца) о разгроме татар в 1572 г., не могла исполняться при жизни Ивана Грозного. Это подтверждается еще и тем, что единственная ее запись обнаружена в составе подборки песен, явно ориентированных на события начала XVII века. Два плача Ксении Годуновой, песни об отравлении Скопила Шуйского и возвращения Филарета Романова из плена прямо связаны со “Смутным временем”. Походная песня имеет отношение к быту служилых ладей, позиция которых была решающей в борьбе за власть, и, судя по упоминанию Волги, происходит из того района, откуда вышло 2-е ополчение, сыгравшее важную роль в судьбе Русского государства. Это позволяет предположить, что и наша песня как-то ассоциировалась с событиями “Смутного времени”. Важным для ее понимания представляется тот факт, что описываемый в песне набег произошел при Федоре Ивановиче - последнем законном государе. Не случайно в ней говорится “еще есть на Москве православной царь”. Возможно основной идеей песни было провозглашение небесного покровительства над Русской землей и отрицание какой-либо роли в ее защите Бориса Годунова - другой ключевой фигуры времен начала русской Смуты. Нейтральный по отношению к событиям, волновавшим русских людей, тон песни делал ее актуальной в 1620 г., но, одновременно, способствовал скорейшему ее забвению. Не случайно запись, сделанная для Ричарда Джеймса, является единственной.

В заключение статьи несколько слов о месте записи песни. Акающий говор, незнание о существовании каменных стен Новгорода и других Северо-Западных крепостей говорят о Центральных районах России, как о месте ее бытования.

Упоминание в числе распределяемых городов небольшого Звенигорода позволяет сделать вывод, что этот город и был местом записи песни “Набег крымского царя”. Из центральных районов происходит и походная песня служилых людей, поскольку на Севере роль этого сословия была незначительна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Симони П.К. Великорусские песни, записанные в 1619-1620 гг. для Ричарда Джеймса на Крайнем Севере Московского царства // Сборник отделения русского языка и словесности АН. - СПб., 1907. - Т. 82. - № 7. - С. 13-15.

² Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. - Воронеж, 1991. - С. 208-214.

³ Скрынников Р.Г. Россия накануне “смутного времени”. - М., 1985. - С. 89-91.

Заключение

Русские народные исторические сказания (былины, исторические песни и исторические баллады) - это история, рассказанная самим народом. Но весь вопрос заключается в том, когда, кем и как идет это повествование.

Так древнейший период существования русского фольклора, отраженный в “Повести временных лет”, оставил нам не только пословицу о гибели злобных обров, но и легенды о взимании дани мудрыми хазарами и о столкновениях с наивными печенегами. Причем автор не боялся пользоваться художественными образами, заимствованными у кочевников. Герои древнейших эпических сказаний оказывались удаленными от времени сказителя на 120-125 лет. Поэтому в домонгольских летописях не нашлось место для фольклорных сказаний о набегах половцев, кочевавших в XI-XIII вв. у границ Руси. Но сказание о емшантраве, приуроченное ко временам Владимира Мономаха спустя век было помещено в Ипатьевскую летопись. Характерно, что образ степных кочевников в ранних памятниках русского героического эпоса не был столь отталкивающим, каким мы его находим в русских былинах. Кочевники выступают врагами, но не лишены человеческих черт, они могут быть смелы и мудры, они любят свое отечество. При этом они наивны, доверчивы и не хвастливы. Лишь иногда их поступки кажутся чудовищными (поведение обров и хана Кури). Но и в этом случае – это не бессмысленная жестокость, а действия, продиктованные уважением к противнику, стремлением деморализовать его,

отнять у него мистическую силу. Древнерусские сказания исполнялись, скорее всего, в дружинной среде. Но они могли проникать и в простонародье.

Нашествие татар и 250-летнее ордынское иго прервали эту линию развития русского эпоса. Какими были народные сказания в этот период времени мы не можем судить в связи с полным отсутствием источников, объясняемым общим упадком культуры. Но дошедшие до нас памятники героического эпоса связываются уже с новой эпохой – Московским царством. И это не случайно. Формирование новой политической, этнической и религиозной ситуации потребовало нового осмысления русской истории. Не случайно именно к этому периоду относится тот рубеж в сюжетах, который разделил исторические песни и былины. Именно концом XV-началом XVI в. датируются многие былины, в том числе о Сухмане. Тогда же начинают складываться наиболее ранние исторические песни (об Авдотье Рязаночке, о плаче часового над гробом государя, о русских пленницах и о молодце, зовущем девицу в Казань).

Историческое сознание сказителей выбрало несколько моментов из прошлого: эпоху становления христианского государства и эпоху ордынского ига. Не случайно действия многих былин привязаны к Киеву и князю Владимиру, а главным врагом Руси выступают татары. Но их образ более похож на тех татар, которые, утратив владычество над русскими землями, ежегодно совершали грабительские набеги на окраины московского царства. Именно такими, подобными бессмысленной разрушительной стихии, предстают татары в былинах. Но исторические песни, помимо жестокости татар,

показывают и их человеческие свойства (братскую любовь, способность к мудрым и щедрым поступкам) и, как в песне “Татарский полон”, тесную родственную связь с русскими людьми.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....

Часть 1

“Сказание о хазарской дани” (Опыт истолкования древнейшей политической легенды восточных славян).....

Образ печенегов в древнерусских фольклорных сказаниях

“Повести временных лет”.....

Часть 2

О времени сложения “Былины о Сухмане”

Часть 3

Песня об Авдотье Рязаночке

О ком плачет часовой?.....

Слышал ли Иван Грозный песню “Набег крымского царя”?

(К вопросу о времени создания песни).....

Заключение.....

...